

Лауреат премии
«РУССКИЙ БУКЕР»

Елена
ЧИЖОВА

**ПЛАНЕТА
ГРИБОВ**

роман

Елена Чиждова

Планета грибов

«АСТ»

2014

Чижова Е. С.

Планета грибов / Е. С. Чижова — «АСТ», 2014

ISBN 978-5-17-084440-1

Елена Чижова – автор романов «Время женщин», премия «РУССКИЙ БУКЕР», «Орест и сын», «Терракотовая старуха», «Лавра», «Крошки Цахес», «Полукровка». Как гриб не растет без грибницы, так и человек вырастает из прошлого: страны, города, семьи. Но что делать, если связь с родительским домом принимает болезненные формы? Не лучше ли ее разорвать, тем самым изменив свою жизнь? В новой книге «Планета грибов» главные герои – он и она, мужчина и женщина. Переводчик, погрязший в рутинной работе, и удачливая бизнес-леди. Он интеллигент, для которого сломанный замок – чудовищная проблема. Она с пятнадцати лет привыкла все решать сама. Казалось бы, существа с разных планет. Но так ли они отличаются друг от друга?

ISBN 978-5-17-084440-1

© Чижова Е. С., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Свет и тьма	6
Твердь неба	23
Трава, деревья, грибы	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Елена Чиждва

Планета грибов

© Чиждва Е. С.

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Свет и тьма (понедельник)

Первое чувство – растерянность. Он стоял на крыльце, затаив дыхание, пытаясь вспомнить и оправдаться: «Подпирал, конечно, подпирал».

Вчера, прежде чем уйти в дом, сложил в миску посуду, оставшуюся после ужина, залил водой сковородку, выключил свет... «Господи... или не выключил?.. Конечно, выключил! – ответил решительно, понимая, что никак не грешит против истины: в темноте, заливавшей ближайшие окрестности, горящий свет невозможно не заметить. – Вышел и подпер черенком».

Мысленно восстановив последовательность действий, доказывающих его относительную непричастность к досадному происшествию, перевел дыхание.

Но дверь открыта. – Ему показалось, он слышит голос, тихий, но не принимающий никаких оправданий, когда дело касается природных стихий:

СВЕТ
ГАЗ
ВОДА.

В городе этот список висел на входной двери: отец, начинавший свою жизнь чертежником, выполнил аккуратно, плакатными перьями. Прежде чем выйти из квартиры, полагалось тщательно проверить. Ритуал сложился давно, во всяком случае, не на его памяти. Мать надевала пальто, зимнее или осеннее – в зависимости от сезона; повязывалась головным платком – шелковым или шерстяным (в его раннем детстве еще не носили вязаных шапочек – мохеровых, в одну нитку); дальше следовало взять в руку сумку и только потом, босиком, сбросив тапочки, обойти помещения: обе комнаты, кухню, туалет, ванную, – коротко, экономными жестами, подкручивая закрытые краны, пробегая пальцами по выключателям. В эти минуты мать действовала как слепая, доверяя не глазам, а подушечкам пальцев. Сосредоточившись на самом главном, уйдя в себя.

В такие минуты он переживал острое чувство одиночества, словно мать находилась не рядом, а где-то далеко, в ином пространстве, куда ему нет доступа. Уже одетый для улицы, он стоял под дверью, дожидаясь, когда она, наконец, вернется. *Свет... газ... вода...* – эти слова она проборматывала, не обращая внимания на сына. Прислушиваясь к ее голосу, он смотрел на черные буквы. Однажды звуки и буквы волшебным образом совпали, навсегда определив его дальнейшую жизнь. Тогда, в свои четыре года, еще не осознавая, что случилось, он понял: это и есть ключик от тайной двери, за которой лежит иное, материнское, пространство. Теперь он может туда проникнуть.

Напоследок оглядев прихожую, мать надевала уличную обувь. Ее рука шарилась в сумке, ощупывая содержимое, проверяя, все ли на месте: кошелек, авоська, ключи. Стоя на лестничной площадке, он следил за ее манипуляциями: заперев входную дверь и пару раз дернув для верности, она возвращалась к материнским обязанностям – кивала сыну. Спускаясь по лестнице, всякий раз чувствовал облегчение, словно слепые материнские пальцы в который раз защитили его от самого страшного – гнева разбушевавшихся стихий.

На даче рукотворного списка не было. Но, конечно, он был. В дачных условиях опасность принимала куда более изощренные формы: электроплитка – уходя даже на самое короткое время, надо выдергивать вилку из розетки; газовый баллон – проверять, надежно ли закрыт клапан; печная выюшка – если задвинуть раньше времени, можно умереть, надышавшись угарным газом; входной водопроводный кран – не закроешь на зиму, прорвет трубы; времянка – на ночь полагается запирать.

Лет пять, пока дом прорастал из ямы, которую вырыли под фундамент, в этой временке они жили, спали на раскладушках. Потом здесь оборудовали кухню.

Замок сломался в прошлое воскресенье. «Неделю, – шевельнул губами. – Неделю назад». Тогда, в первый раз не сумев запереть дверь как следует, подпер черенком сломанной лопаты. Понимая, что сам собой замок не исправится, с этим придется что-то делать. Рано или поздно, но не сейчас.

Надо было пошевелиться. Принять меры.

Он кивнул, признавая родительскую правоту.

Неделя – достаточный срок, чтобы принять решительные меры. Богу понадобилось меньше: Автор этого мира шевелился шесть дней. За это время успел создать свет и тьму, твердь неба, сушу и траву, солнце и луну, рыб, птиц и пресмыкающихся, зверей и человека. И на седьмой – отдохнуть.

И правда, достаточный, – за спиной материнского стоял голос отца.

На этот раз он почувствовал раздражение. Глухое, которое привычно подавил. Но оно не исчезало, ворочалось, пытаясь примоститься, как побитый пес: «Да, виноват. Не сообразил вовремя. Но теперь-то что делать?»

Пойти и проверить, – голос матери продолжил тихо, но настойчиво.

Наверняка соседский кот, – ее поддержал отцовский голос.

Или соседская собака. —

Даже выдвигая разные версии, родители выступали заодно.

Их сын вздохнул и двинулся вниз по ступенькам. «Бесстрашно», – сказал про себя, слегка иронизируя над родительскими поучениями, но все-таки надеясь, что они не уловят иронии. Они и не уловили, потому что смолкли, положившись на своего отпрыска и единственного наследника, который нежданно-негаданно оказался в двусмысленной ситуации: там, за открытой дверью, его могло ожидать что угодно – от рассыпанной по полу гречки до злоумышленника, по-хозяйски расположившегося за столом.

Ступая на цыпочках, уговаривал себя: а даже если вор? Вор не самое страшное. А что – самое? На этот вопрос он ответил бы, не задумываясь: страшное – огонь.

«Но вон же временка, стоит... Целая и невредимая».

Родители молчали, хотя он-то отлично знал, что они могут ответить:

Сегодня стоит. А завтра загорится. Огонь – не вода, может перекинуться на дом.

Деревянный дом выгорает минут за сорок. Остается фундамент, кирпичная труба и отчаяние: где найти силы, чтобы отстроиться заново?.. Такие случаи в поселке бывали. Уезжая с дачи, умные хозяева оставляют бутылку водки и дешевые консервы – задобрить непрошенных гостей: лишь бы не разозлились, не кинули горящую спичку.

«Лето. Ну какие теперь воры!.. В сезон не шарят. Вот осенью... Или зимой... – одновременно пытаясь построить вескую фразу, которая должна напугать вора: – Вон! Сию же минуту – вон! В противном случае я вызову милицию!»

Ишь ты! В противном... Ну и где ты ее возьмешь, свою сраную милицию? – злоумышленник (он представил себе наглого мордоворота в засаленном ватнике) ответил репликой, которая в дачных условиях звучала вполне резонно.

«И правда, где?.. В городе – 02. А здесь?.. Пока дозвонюсь, пока приедут... Ближайшее отделение в райцентре – километров десять. В лучшем случае успеет скрыться. А в худшем?..» – заглянул осторожно.

Стол, покрытый клетчатой клеенкой – красные клетки давно истерлись. Мать собиралась, но так и не успела поменять – привезти старую, с городской кухни. Ведро с железной крышкой. Темная электрическая плитка. Рядом другая, газовая, на две конфорки. Под ее бочком притулился красный баллон.

«Вот... Ничего страшного».

За стеклами, с тыльной стороны, поднимались вековые ели. Где-то высоко, в утреннем небе, еще не затвердевшем, стояло солнце, не различимое из-за крон. Пробиваясь сквозь густые лапы, солнечные лучи теряли силу. На поверхностях, никем не потревоженных, лежали холодноватые отсветы. По утрам во времянке всегда прохладно.

Ну и слава богу! – родительские голоса, слившиеся в прощальном восклицании, отлетели к своим теперешним берегам.

Преодолевая смущение, их сын распахнул холодильник, прозябавший в углу. Мотор, отработавший все мыслимые земные сроки, взвыл как оглашенный. На решетках, изъеденных ржавчиной, сиротливо жались продукты.

Теперь, когда непосредственная опасность миновала, он воспрянул духом.

Достал два яйца, пакет молока с обрезанным уголком, початый брикетик сливочного масла и включил электрическую плитку. Одновременно, словно плитка и совесть соединялись невидимыми проводками, включилось чувство вины: в пространстве, обустроенном родителями, готовить полагалось на газе. Электричество – подспорье на случай, если газ неожиданно закончится. При жизни родителей этого никогда не случалось. Остаток жидкого топлива отец определял на слух: прикладывал ухо, постукивал костяшками пальцев, будто ожидал, что на его стук кто-то откликнется – какой-нибудь джинн, только живущий не в кувшине, как старик Хоттабыч, и не в волшебной лампе, как в сказке про Аладдина, а в красном газовом баллоне.

Покосившись на пустой баллон – в родительские времена его заправляли раза два за лето, а то и чаще, – он разбил два яйца – стукнул о край миски, и склонился к ведру. Под железной крышкой, для верности прижатой камнем, недостижимые для алчных зубов мышей-полевок, хранились сыпучие продукты: крупы, сахар, мука.

Из мучного пакета торчала алюминиевая ложка. Зачерпнул: первую с горкой, вторую – без горки, сбросив лишек свободным пальцем. Добавил щепотку мокроватой соли. В кухне-временке, даже в самый жаркий сезон, соль напиткивается влагой, идущей от земли.

Сковородка уже шипела сердито. Он взялся за железный венчик. Все: и шипение, и венчик – входило в ежеутренний ритуал. Сегодня он придерживался его особенно тщательно, словно успокаивая родителей: с замком вышла неувязка, но все остальное под контролем.

Венчик, мерно ходивший в пальцах, разбивал последние комки. Он вылил на сковородку желтоватое месиво и покрыл крышкой: «Теперь поставить чай».

Воду держали в другом ведре, эмалированном. Ковшик чиркнул по дну, вспугнув осевшие мусорные былинки.

«У меня была... семья». Фразе, сложившейся в голове, недоставало прилагательного.

Намазывая хлеб маслом, он попытался заполнить лауну: «...крепкая, – откусил осторожно, избегая прямого контакта мякиша с передними зубами, которые слегка покачивались, словно раздумывали, стоит ли держаться за слабые десны. – Мой дом – моя крепость».

В его случае английская пословица звучала особенно нелепо. «Крепости складывают из камней, или из кирпича, или...» – он затруднился продолжить перечень прочных материалов, пригодных для строительства крепостей. Дача сбита из досок. Сорок лет назад здесь стоял лес. Военкомат Октябрьского района выделял землю под строительство. Называлось: кооператив

«Октябрь». Конечно, совпадение, но смотреть приехали в октябре. Шли от станции, сверяясь с планом. По углам участка кто-то вбил колышки, обозначающие границы. До сих пор он помнит деревья: ели, сосны, березы, осины. Их вырубili в первое лето. Потом, до самой осени, родители корчевали пни.

В дело шли любые обрезки. Помойки в окрестностях городской квартиры отец обходил с ножовкой в руке. Распиливал, увязывал. Кряхтя, закидывал на спину, становясь похожим на сказочного лесника. С той только разницей, что в сказках лесники носили не обрезки досок, а охапки хвороста.

Он жевал, не чувствуя вкуса, словно утреннее происшествие притупило вкусовые рецепторы.

Остаток жизни положили на то, чтобы создать свой мир, ограниченный высоким забором. Их жизнь – иллюстрация пословицы о сыне, дереве и доме. Хотя подлинным сыном был не он, а этот дом. Точнее, все, что построено на участке: дощатое двухэтажное строение, кухня-временка, сарай, набитый дровами, туалет, торчащий внизу на отшибе, грядки, парник, плодовые деревья. В основе лежал великий замысел:

ДОСТАТЬ и ДОСТАВИТЬ.

Впору выбить на семейном гербе. Простота воплощения подточила бы его изнутри. Как древесный жучок. Как мышь-полевка – если б сдвинула камень.

Из года в год, на случайных машинах, на своих плечах, на самодельных тележках, груженых так, что колесный след оставался даже на гравии, – все отходы долгого советского века: от металлических кроватей с шариками-набалдашниками до плоских чугунных сковородок.

Сгодится, конечно, сгодится, – сколько раз в жизни он слышал материнский голос, в котором пела радость бесплатного обретения.

В мире, где вещи служили многим поколениям, выносить на помойку – грех. Отдать в хорошие руки, как щенка или котенка. Как живую бессловесную душу.

Он помнит, как родители выбросили диван: в то время еще не начали строить дачу. На помойке он простоял две недели. Теперь утащили бы бомжи, но в те годы никаких бомжей не было. За этим строго следили. Это сейчас что хочешь, то и делай: милиции плевать. Возвращаясь с работы, специально делали крюк. Мать страдала: «Бедный... Все еще стоит», – горестно, будто о дальнем родственнике, который мается от неизлечимой болезни. Про таких говорили: господь не может прибрать.

«У советских вещей – мафусаилов век. С этой точки зрения дача – тупик. Своего рода тот свет, откуда ничто не возвращается: ни стулья, ни кровати, ни сковородки. Вот только что они все-таки построили: рай или ад?» – Жестом матери смахнул в ладонь хлебные крошки. Жестом отца оперся о край стола. За этим столом родители обсуждали самое насущное: строили планы. Он чувствовал себя лишним. Всегда в стороне.

Мир как *их* воля и *их* представление: если верить философу, сила, не вполне тождественная разуму. Мир, который они создали, достался ему, перешел в пользование. Даже про себя он не рискнул бы сказать: безраздельное.

Подбирая хлебной коркой остатки растопленного масла, думал: семья создается общим делом. Проглотив помягчевшую корку, встал и бросил взгляд на дверь.

«Вызвать... Кого-нибудь... Пусть придут и починят...» – возвратившаяся мысль была *крайне* тревожной. Рождала вопросы: вызвать, но – кого? В городе можно позвонить в ЖЭК, оставить заявку. Дня через два явится слесарь. Исправит или врежет новый.

«Ладно. Сперва выпью чаю».

Ковшик томился на плите. Пузырьки, мелкие, как прыщи на щеках его юности, окидали дно. В городе давно бы вспенились струйками. На дачной электрической плитке кипятилок, вопреки законам физики, никогда не добирал градусов, словно действие разворачивалось не в

равнинной Ленинградской области, а на каком-нибудь высокогорном плато. Впрочем, чай все равно заваривался отлично – какие-то особые соли в местной воде.

Допил и отставил чашку: «Ничего... Как-нибудь. Не боги горшки обжигали...»

Кажется, этот замок называется *ригельным*. Слово пришло из родительского мира, в котором они не обжигали горшков, но во всем остальном были истинными богами, сотворившими свой особый мир. Он подошел к двери, повторяя странное слово, застрявшее в памяти, как будто правильное слово могло стать не знанием, а умением.

Из двух штырей, призванных входить в отверстия косяка, работал только один.

Нахмурился, собираясь с мыслями. *Этот случай – самый опасный*, – сама собой сложилась фраза, которую не раз слышал от отца. В ней отразился всеобъемлющий родительский опыт – в чистом виде, безо всяких расслабляющих душу примесей. Мákсима дачной жизни. Той ее части, где собиралось знание о замках.

Запереть на один штырь – большие не откроется. Потом только ломать, – веский голос отца звучал в памяти, словно память, перешедшая по наследству, была неотъемлемой частью дачного пространства, своего рода самостоятельной стихией, в которой его отец действовал свободно, с легкостью посрамляя физические законы бытия...

«Я не отец. Мне не справиться... – вышел и сел на скамейку. – Запереть и уехать?.. Собраться, увязать книги. До вечера уйма времени. На сборы уйдет часа полтора... Уехать и больше не возвращаться».

Сложил мгновенно вспотевшие руки. План бегства – утопия. Во-первых, придется оттаивать холодильник, досуха вытирать тряпками – иначе совсем заржавеет. Сливать бак и вычерпывать воду. Если не дочерпать, за зиму прорвет. Но главное – потом: как ему жить дальше, зная, что он не справился? Спасовал перед трудностями. И *они* знают об этом...

Затекшими пальцами впился в ребро скамейки, чувствуя себя мальчиком из советской книжки, которую читал и перечитывал в раннем детстве, представляя себя пионером-героем: дал слово – стой! Пока тебя не сменят.

«Господи, кто?.. Кто может меня сменить?.. – усмехнулся, понимая, что родители все равно не ответят. Абстрактные вопросы – не их стихия. – Меры. Придется принимать меры. Идти. Но – куда?..»

Из мира, где теперь пребывали родители, поступил мгновенный ответ: *в ДЭК*.

Борясь с подступающей тоской, вернулся в дом, надел приличную рубашку. Проверил: деньги, ключи, паспорт. Документы на дачу. Это очень важно. Вдруг они спросят: а вы, собственно, кто? Так-то каждый придет, скажет: у меня сломался замок... Тут он и предъявит: кооперативную книжку с погодовой оплатой, бланки оплаты электричества. Розовую квитанцию, удостоверяющую право собственности...

Запер дверь. Потоптался у калитки, оглядываясь напоследок: «Кажется, всё... Господи, а времянка?..»

Стоял, не зная, каким образом разрешить эту проблему, не имеющую решения: как уйти, оставив времянку незапертой? А если не уходить, кто починит замок?

Все-таки вернулся, покачал мертвый штырь, втайне надеясь, что в последний момент замок возьмет да исправится. Потоптавшись у двери, вспомнил: плитка, выдернуть вилку из розетки.

Прежде чем выйти за калитку, оглянулся на черенок, заступивший на пост: «Я ненадолго. Ничего».

Ни криков детей, ни голосов их родителей: слишком ранний час. До поворота, где поперечная улица упиралась в главную, он шел краем леса, радуясь тишине и безлюдью. В обыкновенные годы по утрам тянуло прохладой, но это лето выдалось на удивление засушливым: последние дожди выпали в июне. Кусты, высаженные вдоль заборов, обрамляющих чужие вла-

дения, покрывала густая пыль. Цветы иван-чая привяли, едва успев распуститься. Он свернул и, привычно держась обочины, обошел вымоину. В дождливый сезон на этом месте стоит глубокая лужа. Теперь лежали высохшие доски, подгнившие, будто обгрызенные со всех сторон.

Тропинка, отходившая от дороги, уводила вниз, под горку: здесь начинался кусочек нетронутого леса. Отсюда до нижнего колодца надо было идти, внимательно глядя под ноги: сплетшиеся корни сосен дыбились, выбиваясь из земли. Мощные, как змеи, посланные языческими богами.

Песчаная дорога постепенно выравнивалась. Даже в самую дождливую осень на этом отрезке пути не бывало луж. А, *представь-ка, глина!* – обратился к себе словами матери и ответил словами отца: – *Глина – да-а-а... Вот бы не пройти, не проехать...*

Миновав раскидистую сосну, дошел до ближнего забора, за которым маячила старуха.

Уголки платка, крепким узлом стянувшего затылок, опадали плюшевыми ушами. Из-под юбки – темно-синей, кримпленовой – торчали линялые треники: складками набегали на голенища, срезанные коротко и косо. Сквозь прорехи в гнилом штакетнике проглядывало образцовое хозяйство: цветник, обложенный битым кирпичом, грядки, по периметру подбитые досками.

– Доброе утро, – поравнявшись, он поздоровался, мельком оглядывая дом, покрытый сизым железом: слегка покосившийся, словно доживающий последние сроки.

Поливальный шланг, огибая пожарную бочку, давным-давно изъеденную ржавчиной, вился тощей змеей. Вода выбивалась немощной струйкой. Зажав отверстие пальцем, старуха пустила воду широким веером – над головами испуганно зашумевших цветов.

Он остановился у забора. Старуха молчала. Видимо, недослышала. Снисходя к ее немощи, он повторил приветствие в расширенном варианте:

– Доброе утро, Бог в помощь!

На этот раз она все-таки буркнула:

– Здрасьте.

– Снова плохой напор? – произнес фразу, оставшуюся в наследство от матери, и озабоченно покачал головой.

Магическая фраза сработала. Плюшевые уши дрогнули:

– Да прямо не знаешь, чего и делать! Льешь, льешь... – она заговорила охотно и энергично, комментируя свои действия во втором лице единственного числа, будто смотрела на себя со стороны. – Песок вон! Утроба несытая... И вечером лей, и утром лей... – кинув на землю шланг, стянула платок и взялась за поясницу. – Стоишь, стоишь, пока всю спину не разломит... Дождь-то когда будет? – она глянула с вызовом, будто человек, неожиданно выросший у ее забора, нес личную ответственность за осадки.

– Вы не знаете, ДЭК сегодня работает? – он поинтересовался робко.

– ДЭК-то? Да кто ж их знает. Должно, работают... Тоже на днях пойду – платить. Платишь, платишь, и куда наши денежки деваются? Чего они на них сделали? Все обещают. Вон, – она махнула рукой, – как покосился, так и стоит. Когда заявление-то писала? – наморщилась, пытаясь вспомнить. – В том году... Да не-ет! – поправила себя. – Какое! В позатом! В том тоже думала, да не дошла. Ихнему начальству: столб-то куда накренился. Рухнет, тогда – чего?..

– Тогда – чего? – он переспросил машинально, удивляясь старушечьей активности: надо же, пошла, подала заявление...

– Так грядки примнет и яблоню вон погубит! – она заговорила сварливым тоном. Как будто он – не случайный прохожий, а начальство, не принимающее своевременных мер.

Солнце, не видное из-за яблони, брызнуло лучами. Он вытер глаза, будто в них попали брызги.

– А напор вон! Десять лет обещают, – слова лились, как из отвернутого крана. – Сколько раз средства собирали – на новую помпу. Соберут – и концы в воду. Раз – и нету... Как корова

языком... А это чего – напор? – она дернула шлангом. – Все поливают. Совсем совесть потеряли. Льют и льют, льют и льют...

Он сосредоточился, стараясь вычленив адресата ее претензий, но не успел: на крыльцо вышел старик в галошах на босу ногу. Потоптавшись, двинулся в глубину участка. Старуха проводила его пустым невнимательным взглядом.

– У меня сломался замок. Вот иду... – он махнул рукой неопределенно. – Может, в ДЭЖе – слесарь...

– А к водопроводчику? К нашему. К нему-то ходил?

– К водопроводчику? – он застыл в изумлении. – Это же... не кран.

Старик возился у парника, сворачивал на сторону рваную пленку.

– Дак какая разница! Замок, кран – всё одно, – нагнувшись, она шарила в густой траве. – Льешь, льешь... Не земля – утроба несытая... И утром лей, и вечером лей... Совсем совесть потеряли. Льют и льют, льют и льют... – повернувшись к нему задом, старуха уже бормотала свое.

Он кивнул и двинулся дальше, пытаясь уловить ее логику, согласно которой замок не отличается от крана.

– Кыш, сволочь! Кобыла безрогая!

Он вздрогнул и обернулся. На ходу замахиваясь тяпкой, старуха устремила к парнику. Широким шагом, приминая только что политые посадки. Из-под пленки порскнуло и скрылось в подзаборной траве.

Дав отпор нарушителю границы, старуха возвращалась к калитке.

– К водопроводчику. К нашему, – громко, в пустое пространство – повторяя свой безумный совет.

Миновав колонку, давным-давно иссякшую, свернул, срезая путь. Мимо пыльных кустов шиповника, усыпанного мелкой завязью, мимо чахлах метелок бузины – шел, томясь и тревожась. Интересно, что бы она сделала, увидев распахнутую дверь? *Эта* бы точно не напугалась. Представил, как она выходит на крыльцо, подхватывает первое попавшееся: тяпку так тяпку, топор так топор – и вперед, навстречу неведомой опасности. «Женщины вообще ловчее... Договариваться, решать практические проблемы...»

За ближней калиткой показалась тетка неопределенного возраста. Он шел, косясь в другую сторону.

– Вы не с горки?

Пустая улица. Определенно она обращалась к нему.

– Нет. В ДЭК, – ответил и глухо откашлялся.

– Не слышали, свежий хлеб привезли? – теперь она спрашивала с живейшим интересом.

– Куда? – переспросил, честно пытаясь понять вопрос.

– Ну, на горку...

– Я – в ДЭК, – повторил громче, предположив, что она тоже не расслышала. Магазин на горке – *совсем* в другой стороне.

– Так что, не привезли?

Переминаясь с ноги на ногу, он попытался вернуть разговор в пространство разума:

– У меня сломался замок. Я – не с горки. В ДЭК...

– А... – она протянула разочарованно, утрачивая всяческий интерес.

Прежде чем проследовать дальше, он бросил взгляд на ее владения: «Обезумеешь... Со всем этим садом-огородом. Из года в год. От посадок до урожая. Городская квартира – подсобное помещение. Рассада на подоконниках. В кладовке – пакеты с удобрениями...»

За поворотом в глаза ударил солнечный свет – прямой и яркий, до такой степени превышающий выносливость глаз, что оставалось только зажмуриться. В следующий миг в груди что-то дрогнуло и отозвалось. Навстречу шла молодая женщина. Сквозь прижмуренные веки он

различал силуэт. Ленивой походкой она проследовала мимо, взгляд едва скользнул по оплывшей мужской фигуре, которая шла по своим делам. Смирная обозначившееся сердце: «Господи... Ну, откуда? Откуда ей взяться?..»

Все-таки он остановился. Нагнулся, чтобы поддержать сбившийся носок. На самом деле – чтобы оглянуться. Сарафан, пляжная сумка, на плече – махровое полотенце.

Когда виделись в последний раз, дочь была худенькой. Десять лет – достаточный срок: потерять девическую стройность, но сохранить ленивую походку, чтобы при случае сбить с толку какого-нибудь чужого отца. Который может попасться на узкой песчаной дороге, если там, в Америке, куда они с матерью отбыли, остался пяток-другой еще не заасфальтированных дорог.

Стыдясь своей нелепой и неуместной сентиментальности, он шел, возвращаясь к мыслям, сбитым с толку обиженным отцовским сердцем: «Занялась бы дачей. И меня бы освободила. Это нормально: родители уходят, дети остаются – заступают на пост...»

От перекрестка к ДЭКу вели две дороги: можно прямо, потом свернуть за серым сараем, а можно и сразу...

– Ох!

Доковыляв до ближайшего забора, он взялся за штакетину и замер, прислушиваясь к щиколотке: «Нет, кажется, просто подвернул...»

Боль, но *слишком* слабая, чтобы этим можно было воспользоваться – повернуть назад. Подавляя разочарование, стоял на одной ноге, как огромный нелепый аист, так и не долетевший до крыши. Обегал пустыми глазами: цветник, вечные грядки, дом, крытый черепицей. От калитки к крыльцу вела дорожка. Сквозь пластмассовые колечки, которыми она была выстелена, пробивались сорняки.

Зевая и покачиваясь со сна, на крыльцо вышла девочка лет десяти. Сосредоточенно глядя под ноги, сошла по ступенькам и задрала ночную рубашку. Детский ручеек зашуршал вспугнутой змейкой. Нежные солнечные лучи играли в стеклянных банках, вымытых и выставленных на просушку – вверх дном.

Все еще сидя на корточках, она протянула руку и, сорвала крупную клубничину. Он ждал, что на детском личике проступит удовольствие или оно сморщится, если ягода окажется кислой, но девочка жевала отрешенно и сосредоточенно.

«Как моя дочь... Такая же бесчувственная...»

Дверь открылась со скрипом. На крыльцо вышла молодая женщина. Зевнула – сладко, с отчаянным наслаждением, не прикрывая рта. Спустилась с крыльца и пошла вдоль окон.

Краем глаза он успел заметить: обогнув дом, она тоже присела. Лишь бы не услышать звука ее широкой утренней струи, он ускорил шаги. Шел, понуря голову, пока не приблизился к дощатому строению: не то барак, не то сарай.

ДАЧНО-ЭКСПЛУАТАЦИОННАЯ КОНТОРА

Дверь, запертая на амбарный замок. Ни единой живой души.

Подавляя панику, готовую двинуться на приступ, он свернул к рынку, обнесенному железной оградой. Вдалеке, за прилавком, сбитым из неструганых досок, маячили *овощные бабки*. В ожидании покупателей беседовали о чем-то своем. Теперь они смолкли и следили за ним напряженно, как невесты на деревенском гулянии. Чувствуя себя единственным женихом, он подошел и встал напротив.

Кабачки, петрушка, укроп – тощие пучки, перевязанные катушечными нитками. Литровые банки с прошлогодними заготовками: рассол, уже белесый и мутноватый. Ягоды в майонезных пластмассовых ведерках: красная и черная смородина, мелкий зеленоватый крыжовник. Под прилавком жалась цветочная рассада – корни в цветных целлофановых мешках.

– Огурцы... у вас... почём? – он ткнул пальцем в ближайшую пупырчатую кучку. По всем базарным понятиям следовало хотя бы прицениться. Прежде чем задавать посторонние вопросы.

– Огурчики-то? – бабка, к которой обратились, ожила мгновенно. – За всё – тридцать. Только с грядки. Утречком сорвала.

Ни взглядом, ни жестом ее товарки не выдавали напряженного внимания. Возможно, меж ними существовал негласный уговор: покупатель имеет право осмотреться и выбрать сам.

– А сколько... приблизительно... на вес?

– Утром свесила, – огуречную кучку она оглядела с сомнением. – Кило. С походом.

Он кивнул, пытаясь оценить: дорого или дешево? Так и не поняв, обратился к другой.

Погладив кабачок узловатыми пальцами, та ответила коротко и сурово:

– Этот? Кило сто.

– А... смородина? – он обернулся к третьей.

– Черная?.. – бабка, одетая в старый мужской пиджак с подложными плечами, задумалась на мгновение. – Шестьдесят. Красная – по двадцать пять.

Он снова кивнул, понимая, что первый раунд переговоров закончен. Теперь надо уходить или покупать.

– Мне... – он тянул с окончательным решением, – смородины. Черной... Если она... – вспомнил слово: *сухая*. Для ягод мать использовала еще одно прилагательное. – Сухая и крупная.

Бабки оглядели свои пластмассовые ведерки и загомонили наперебой:

– Так сухая... Сладкая. Дождя-то сколько не было... Можно взять и высыпать... Крупная... Вон, сами глядите... Утром, утром брала...

Он полез за кошельком, но вспомнил, что не захватил никакой тары – ни бидончика, ни целлофанового мешка. Бабка, стоявшая с краю, сообразила первой:

– Дак прям с ведерком и берите. С ведерком-то, вон, сподручнее... И не помнете в дороге. Ее товарки поджали губы.

Покупатель достал деньги и, дождавшись, пока она, внимательно помусолив, спрячет в карман десятки, взялся за дужку:

– У меня сломался замок. Ригельный. Во временке, – теперь он имел право пожаловаться, поделиться своей бедой.

Его бабка закивала. Другие тоже слушали, но отстраненно. Или делали вид.

– Нужен кто-то... Слесарь. Вот пришел, а ДЭК закрыт...

– Так понедельник. Они ж не работают. Надо в воскресенье, вчера, – его бабка обращалась не к нему, а к своим товаркам, словно ища их поддержки. А может, просила прощения за свою торговую пруть.

– Вчера замок еще работал, – он солгал прямо в выцветшие глаза.

– Тогда – завтра, – глаза, когда-то голубые, слезились от прямого солнечного света.

– А завтра... они *точно* будут? – в груди дрогнуло робкое ликование. Подвиг, который надо было совершить сегодня, откладывался на целые сутки. Во всяком случае, мог отложиться.

– Завтра-то? Должны... – она протянула неуверенно, как если бы речь шла о дожде, который должен выпасть завтра, да кто ж его знает?

Чувствуя на себе внимательные глаза бабок, он двинулся в обратный путь, осторожно покачивая ведерком. С точки зрения родителей, его поступок отдавал безумием: ягоды надо выращивать, а не покупать. «Ну и что... Каждому – свое... Я, например, переводчик...»

Песок, по которому ступали ноги, вскипал сухими струйками. Обратная дорога показалась и легче, и короче. Если бы не солнце, жарившее без продыха, можно считать утренней прогулкой – перед тем как приступить к работе.

Черенок, подпирающий дверь, стоял на посту. Войдя во времянку, он водрузил ведро на стол.

Сразу разложить – в голову вступило голосом матери.

Раскладывать полагалось на тряпке. В родительское время эти тряпки, заляпанные соком, – *учти, ягодный сок не отстирывается*, – хранились в бельевом шкафу. Он представил, как будет рыться на нижних полках, перекладывая с места на место старые занавески и простыни. В этот шкаф он не лазил целую вечность. «А, может, и не в шкафу...»

Ответил солидно и коротко: «Потом. Мне надо работать. И так потерял время».

К этому доводу мать не могла не склониться.

Торопясь, пока она не передумает, сунул ведро в холодильник, взывший сердито, и направился к дому. За время его странствий солнце успело скрыться за дальние ели, опоясывающие участок со стороны ручья. Теперь, до самого полудня, когда оно перекатится к юго-западу, и дом, и времянка будут в тени.

Привычно перехватывая поручень, прибитый к стенке, взобрался по узкой лестнице и, упершись плечом, отжал тяжелый люк. С вечера чердачный люк полагалось закрывать: в холодное время из-под крыши тянет холодом, в жаркое – несет духотой: спертый воздух, стоящим под стропилами. Тонкий запах пыли приятно щекотнул ноздри. Про себя он называл его чердачным духом. Здесь, на даче, этот дух сочетался со словом: работа.

Справа – комната, слева – собственно чердак. Вещи, которые там хранились, даже по дачным меркам считались рухлядью: сморщенная кособокая обувь, старые драповые пальто. Спинки чужих кроватей. Их бывшие владельцы давно купили новые. Стулья с выпавшими из гнезд ножками: у отца не дошли руки починить...

Чердачную комнату он называл кабинетом. Топчан, покрытый линиялой попоной, пара разнокалиберных стульев, по стене – полки, набитые выцветшими папками: не любил ничего выбрасывать – ни старых рукописей, ни черновиков. Втайне надеялся на будущих ученых, которые явятся после его смерти: изучать *наследие*, сверять варианты.

Рабочий стол стоял у окна, обращенного к лесу. Половину столешницы занимала пишущая машинка. Другая – портативная, с латинским шрифтом, – томила на тумбочке в углу. Лет десять назад, когда издательство окончательно перестало принимать машинопись, он отвез их на дачу и обзавелся стареньким компьютером – не задорого, по случаю. Переводы, сделанные летом, осенью приходилось *перегонять*. Конечно, на это уходит уйма времени, но не возить же сюда компьютер: нанимать машину. Весной – туда, осенью – обратно. Тысяч пять как минимум...

В этот раз, учитывая срочность заказа, главный редактор обещал выделить наборщика. Просил привозить порциями: по три-четыре главы. Он было заартачился: мало ли, понадобится внести уточнения. Но получил обещание: предоставят распечатку. Пока оригинал-макет не подписан, он свободен вносить любую правку.

Машинка обиженно хохлилась. Он покрутил боковое колесо, будто потрепал по плечу старую, но верную спутницу жизни, и заправил чистый лист. «Ну-ну, виноват. Замок. Непредвиденное обстоятельство», – жалкие оправдания. В глубине души он соглашался с нею: ритуал есть ритуал. Каждый божий день, не обращая внимания на выходные и праздники, просыпался без пятнадцати восемь, наскоро ополоснув лицо и почистив зубы, завтракал и шел к письменному столу. Сломанный замок внес свои коррективы.

Сел и потер ладонями щеки. Верная спутница еще не догадывалась, но он, мужчина, знал: завтра тоже придется нарушить. Уйти ни свет ни заря.

Лист, заправленный в каретку, белел соблазнительно. Обычно этого соблазна было достаточно, чтобы, отрешившись от посторонних мыслей, погрузиться в иное пространство, в котором звуки чужого языка превращаются в русские буквы – складываются в слова. Первые годы,

пока не приобрел устойчивого навыка, ощущение было острым, сродни тому, которое испытал в четыре года, научившись читать. Теперь, конечно, притупилось: работа есть работа. Над этой книгой он корпел третью неделю, все это время чувствуя, что ступает по шатким мосткам. Текст, выползавший из-под каретки, оставался сомнительным – даже на его взгляд, что уж говорить о специалистах.

«Хоть отказывайся... – чтобы как-то войти в колею, попытался найти подходящее оправдание: – Фантастика – не мой жанр», – осознавая, что дело не в жанре – достаточно вспомнить замечательные книги, чтимые интеллигенцией: Брэдбери, братья Стругацкие.

Действие происходит в космическом пространстве, точнее, на инопланетном корабле. По отдельным замечаниям, разбросанным по тексту, можно догадаться, что он приближается к Земле. Днем астронавты занимаются текущими делами, но по вечерам собираются в общем отсеке, где – по воле автора, увлеченного дарвиниста, – обсуждают теорию эволюции в разных ее аспектах: естественный отбор, наследственность, выживание наиболее приспособленных, противоречия между поколениями, борьба полов и все прочее. Для него, далекого от этой проблематики, все это объединялось словом *генетика*.

Пугала не столько терминология – на это существуют словари. Трудности перевода начались там, где герои вступали в споры: *Что первичнее: благополучие вида или спасение индивидуума? От каких факторов зависит вероятность выживания той или иной популяции? Какой отбор важнее: индивидуальный или групповой?* Он боялся содержательных ошибок: в его дилетантской интерпретации реплики персонажей – попадись они на глаза профессиональному биологу – могли звучать бредом.

Едва приступив к работе, он отправился к главному редактору, чтобы поделиться своими сомнениями и выговорить себе пару дополнительных недель: подобрать специальную литературу, спокойно посидеть в библиотеке, короче говоря, войти в курс.

– Поймите, у меня школьные знания. Дальше Менделя с его горохом и мушек-дрозофил я не продвинулся.

Главный свел белесоватые брови и постучал ладонью по горлу красноречивым жестом, намекающим на то, что уважаемый переводчик, обращаясь к руководству с просьбой об отсрочке, режет его без ножа.

– Вы же понимаете: серия есть серия... Ох!.. Ох!.. А-апчхи!! – чихнул оглушительно и помотал головой. – Извините. Кондиционер проклятый... А без него вообще смерть! – заключил мрачно. – О чем, бишь, мы? Ах, да... – сморщился, прислушиваясь к себе, видимо, чувствовал приближение нового чиха.

– Ну хотя бы неделю... – он предложил неуверенно.

Рука главного редактора пошарила в столе. Не обнаружив ничего похожего на платок, редактор нажал на кнопку. В дверях появилась секретарша.

– Наташа, у нас есть салфетки?

– Не знаю, Виктор Петрович. Сейчас проверю.

Оглядев стол, заваленный рукописями, редактор вернулся к теме разговора:

– И что это даст?

– Как – что? – он старался говорить настойчиво. – Тем самым мы избежим ошибок, не введем в заблуждение читателей.

Секретарша явилась снова:

– Салфеток нету. Только это, – протянула рулон туалетной бумаги. – Хотите, схожу в магазин.

– Не надо. Идите работайте, – главный редактор отмотал и с удовольствием высморкался. – Я так и не понял: что это даст?

Он попытался объяснить:

– Нельзя идти поперек смысла. В конце концов, мы живем в двадцать первом веке. У любого мало-мальски образованного читателя возникнут претензии. Мы обязаны хоть как-то соответствовать...

Собеседник, мучимый насморком, слушал невнимательно.

– При чем тут образованные? Серия изначально рассчитана на... – видимо, затруднившись с точным определением, редактор понизил голос. – О, господи! А-апчихи!

– Будьте здоровы, – он откликнулся вежливо и обежал глазами стены. На задней, под портретами правящего тандема – они, в свою очередь, располагались под иконой Богородицы, – висели фирменные календари. Их выпускали ежегодно в представительских целях. Правую стену – еще недавно, кажется, года три назад, она пустовала – украшали старые плакаты с логотипом прежнего издательства, на фундаменте которого выросло нынешнее. После ремонта кабинет главного редактора оформили в ностальгическом ключе. – Вы должны понять и меня. Переводчик не имеет права нести отсебятину. Его задача – довести до читателя именно то, что автор имел в виду. Иначе... – он придал голосу оттенок серьезности, – может возникнуть скандал. Международный.

– Лишь бы не внутренний, – его собеседник оттопырил большой палец, но ткнул не в икону и даже не в портреты, а куда-то в угол, где висел выцветший плакат. Напрягая глаза, он разобрал цифры: 1975. – С заграницей мы как-нибудь справимся. Нехай клеветают. Нам, как говорится, не привыкать.

– Но ведь... Есть же права автора, – он покосился на телефон, будто ожидая, что автор или его агент, узнав о существовании спора, каким-то чудом объявятся – позвонят.

Судя по тому, что главный редактор сморщился, мысль о защите прав иностранного автора не показалась ему конструктивной:

– Кто он нам, этот ваш автор? Может, он вообще умер.

– Но я-то?.. Дело и во мне, – он хотел объяснить, что переводчик является полномочным представителем автора в той культуре, на языке которой он делает свою работу.

Но главный редактор его не слушал:

– Этот ваш... как его... – он щелкнул пальцами, вспоминая имя. – Не Стейнбек. Не Йэн Макьюэн... И даже, господи прости, не Бэнкс. Мне казалось, уж вы-то, с вашей квалификацией, *как никто* понимаете. Мы выпускаем читиво. Вто-ро-сорт-ное... – выговорил четко. – Так что поверьте мне: не надо мудрить.

Слово, произнесенное по слогам, впилося жалом в сердце:

– Я работаю добросовестно. Свою работу я подписываю собственным именем, так что если я, как переводчик, полагаю...

– Не хотите – не подписывайте, – редактор нехорошо усмехнулся. – Желающих тьма. На ваше место. Стоит только свистнуть.

Он растерялся, неловко встал и направился к двери, обостренно чувствуя за спиной шуршание туалетной бумаги. Потом шуршание оборвалось.

На другой день редактор, конечно, позвонил. Смущенно сопел в трубку, ссылаясь на головную боль: вы же видели, в каком я был состоянии. Когда человек просит прощения, несправедливо не простить.

– Я хотел... – все-таки он решил воспользоваться моментом. – Есть одна книга, я думал предложить издательству...

– Предложите, конечно, предложите. Но позже, когда закончите эту работу. Тогда и поговорим, – редактор попрощался и положил трубку.

Этот разговор он начинал не в первый раз. Раньше редактор внимательно выслушивал его предложения, просил подождать: «Поймите, редакция переживает трудные времена. Еще несколько убойных книг, и у нас появится возможность выбора. В смысле, у вас. Выберете сами. Обещаю: издам. Даю слово. Надеюсь, вы мне верите?»

Конечно, он верил. А что оставалось? Тем более начальство можно понять: первые четыре книги серии вышли в свет через равные промежутки: раз в квартал. Если затянуть с пятой, внимание читателей может переключиться на другие серии, с которыми работают конкуренты. Такие истории случались и раньше. В этих обстоятельствах главный редактор всегда обращался к нему, говорил: на вас вся надежда, счет идет на дни, кроме вас в такие сроки никто не уложится, и разные другие слова, которые даже профессионалу его уровня редко приходится слышать. Отказать не хватало духу. Однако разговор, в котором редактор упомянул про второсортное чтение, что-то изменил.

Пишущая машинка блеснула клавишами.

Отвечая на ее улыбку, он погладил каретку: «Ладно, мир...»

Команда космического корабля собиралась к ужину. Эти ежевечерние трапезы он назвал *летучками*. Импонировала игра слов: в помещение, отведенное для этой цели, участники действительно влетали. Главное блюдо – его подавали в красивом расписном сосуде, чем-то похожем на канистру, во всяком случае, верхняя крышечка откручивалась, – было приготовлено из овощей.

Пожав плечами: овощи на космическом корабле? Интересно, как их там выращивают? – двинулся дальше. Оббив подлокотники зеленоватыми щупальцами, астронавты расселись и приступили к трапезе. Больше не отвлекаясь на посторонние мысли, он закончил вторую главу.

Под стропилами собирался душный воздух. Он поднял глаза, представляя себе невидимое солнце. Раскаленные лучи били по крыше прямой наводкой.

Встал, распахнул оконные створки. Высокие корабельные сосны стояли в двух шагах. Солнечный свет заливал вершины, оставляя в тени подлесок. Только теперь заметил: березы начали желтеть. «Конец июля... Рановато. Обычно желтеют в августе».

Сел, подперев ладонью щеку: «Второсортное... второсортное, – проклятое слово впечаталось в память. Как след в мокрый песок. – Можно ли оставаться хорошим переводчиком, если переводишь всякую ерунду?..»

Ты стал прекрасным переводчиком.

«Во всяком случае, если сравнивать с молодыми...» Время от времени наведывался в книжные магазины. Не покупал – пролистывал. Чтобы отловить очевидные глупости, хватало пары минут. *Конечно, встретимся, – без убеждения повторил Джон. Или вот: Задумчивые глаза Ифигении грезил среди травы.* Так и видишь глазные яблоки, самочинно выпавшие из подобающих им впадин, чтобы покататься в траве. Вот, тоже симпатично: *негнувшийся маятник*. Любопытно взглянуть на маятник, который гнется, будто помахивает хвостом. Рядом с этим какое-нибудь *Исчез по направлению к лесу* смотрелось образчиком стиля.

«А все потому, что ни вкуса, ни школы», – он выпрямился в кресле и покачал головой.

Обычно лингвистическая терапия действовала. Сегодня – нет.

Работа есть работа. Ты хорошо зарабатываешь.

В голосе матери мелькнул *классовый* упрек. С их точки зрения, не работа, а баловство: вроде секретарской – знай стучи по клавишам. Сами они работали инженерами-технологами. На разных предприятиях. Казалось: на одном. Домой всегда возвращались вместе. В прихожей – громкие голоса. Дверь в его комнату распахивалась: *Как дела в школе?* Что-то дрожало в воздухе, скрипело как пружинки старых часов.

«Да, зарабатываю. Потому что работаю добросовестно».

А как иначе! Конечно, добросовестно! – родители не преминули встрять.

Он кивнул, но не ответил. Знал, что за этим последует: *Мы тоже работали добросовестно! И где результат?*

Вопрос родился в начале девяностых, когда закрывались предприятия. Родители потеряли работу. Месяца через два, проев летние запасы и остатки скудных сбережений, которые к тому же мгновенно обесценились, устроились вахтерами в какое-то общежитие: сутки через сутки. Своего рода семейный подряд. В отличие от него, никаких надежд не питали. Для них крах системы означал их личный крах. По мнению родителей, за всеми событиями стояла злонамеренная воля. В семейных спорах то и дел звучало: твои демократы все развалили – Гайдар и Чубайс.

Горячился: во-первых, почему – мои? Во-вторых: если два человека в состоянии развалить целую страну... Они что – боги?!

Отец, как-то сразу постаревший (мать держалась, женщины вообще сильнее), не мог понять, почему их закрыли. Худо-бедно раньше-то их заводы работали, выпускали продукцию. Мать возражала: раньше – нормально, а не худо-бедно. Прогрессивки, путевки, премии, детские елки, встречи с интересными людьми. Все для блага человека. Выпускали многотиражку. Писатели чуть не каждый месяц приезжали.

Господи, да какие писатели?! Потому и закрыли, что ваша продукция никому не нужна. Как это не нужна? Да так – кому нужна неконкурентоспособная продукция? Этого они не понимали: мы-то здесь при чем? Продукция – забота начальства. Мы работали добросовестно!

Мало-помалу пришел к выводу: разубеждать бессмысленно. Рациональные доводы не действуют: с точки зрения родителей СССР – воплощение вселенского Добра.

Весной уволились, уехали на дачу. До осени работали на участке, добываясь урожаев, которым позавидовал бы сам Мичурин. Выпускали продукцию, за которую отвечали сами. Сотни банок. На этих запасах семья продержалась до следующей весны.

Он взглянул на часы: половина четвертого. Вот что значит выпасть из нормального ритма.

Сойдя вниз, разогрел вчерашние макароны, вскрыл банку мясных консервов. Съел тихо и отрешенно. Тщательно перемыл посуду. Присохшие ошметки утреннего омлета пришлось скоблить. Вытер мокрые руки. Вешая на гвоздь полотенце, почувствовал головную боль. К тому же слегка познабливало. «Что-то такое... В воздухе. Давление, что ли, скачет?.. Наверняка к дождю... Ох, пора бы», – покачал головой озабоченно, будто выступая от лица местных садоводов, страдавших от плохого напора. Вспомнил безумную старуху, которая отправляла его к водопроводчику: хотела пойти к начальству, но все-таки не пошла. Скорей всего, испугалась: как бы чего не вышло... Как ни хорохорься в старости, но по этому принципу прожита жизнь.

Выйдя из временки, обернулся к лесу. «Но в *чем-то* она права. Нынешние совсем обнаглели. В советское время – хоть какой-то страх божий. Во всяком случае, на районном уровне. А теперь? Никто ни за что не отвечает? Божки местного значения. Хотя, если разобраться, языческие боги не бездельничали», – задумался, силясь вспомнить имена тех, кто отвечал за всходы семян, огуречную завязь, сиреневатые цветочки картофеля. Как ни старался, не вспомнил.

Прежде чем войти в дом, остановился на крыльце. «Тут-то ничего, но там, в Центральной России, и вправду что-то чудовищное».

В прогнозах погоды нынешнюю жару называли аномальной.

В комнате – в родительское время она именовалась залой – стояли два телевизора, работавшие от одной антенны. Оба старые, еще советские, на лампах. Один, он уже не помнил который, перебрался из городской квартиры, когда родители купили новый, корейский – по тем временам чудо техники. Второй – *Сгодится, конечно сгодится* – отец приволок с помойки. Тогда многие выбрасывали, покупали импортные.

На дачу их доставили одной машиной, вместе с креслом и комодом – сосед выставил на лестничную площадку. На всякий случай мать позвонила в дверь. Сосед обрадовался: конечно берите!

Он включил тот, что справа, и уселся в продавленное кресло. Экран вспыхнул и побежал черно-белыми волнами: чтобы сосредоточиться, телевизору требовалось время.

Сладив со своими внутренними проблемами, телевизор сосредоточился на руководителе государства, сидящем во главе стола. Обращаясь к подчиненным, одетым в строгие костюмы, он хмурил брови, но как-то совсем не страшно, понарошку, видимо, и сам осознавал, что за *летучкой*, которую он возглавляет по своей нынешней царской должности, последует *настоящее* совещание, уже готовое к эфиру.

На этот раз оно проходило в сельскохозяйственных декорациях. Камера демонстрировала умение, с которым новый герой русского эпоса, сидевший в кабине трактора, дергал рычаги. Ни дать ни взять Геракл, совершающий очередной подвиг: «Интересно, который по счету? Третий?.. Или уже четвертый?..»

В данном случае древний миф снова работал: Геракл и Ификл, братья-близнецы. Древние греки полагали, что у близнецов, рожденных одной матерью, могут быть разные отцы. Первого родил КГБ – всесильная организация, олимпийцы советской системы. Второго – бессильное университетское сообщество: разве подберешь единомышленников, готовых встать рядом? Главный герой повел плечами, будто и вправду ощутив тесноту колыбели, в которой они лежали вдвоем.

«Пашут, пашут... – он смотрел на умелого тракториста, которому оказалась подвластны все образцы современной техники: автомобили, ракеты, подводные лодки, батискафы. – А сколько таких умельцев до него... Первым делом – отделяют свет от тьмы. Они, естественно, дети света. А остальные, мы...»

Поднялся, кряхтя и держась за спину, и включил второй телевизор, стоящий слева. В отличие от первого, этот ничего не показывал: его экран оставался черным. Зато работал звук. Вдвоем они справлялись с задачей, в нормальной городской жизни возложенной на один – исправный. Рано или поздно придется выбросить, но пока возиться не хотелось: работают, и – пусть.

Сельскохозяйственный сюжет закончился. Его сменили лесные пожары. Голос корреспондента, доносившийся слева, рассказывал о стихийном бедствии, захватившем едва ли не полстраны. Он ожидал появления Главного Спасателя, но не дождался. Deus ex machina почему-то запаздывал. Вместо него показали крестный ход. Верующие, возглавляемые священником, шли краем леса, молясь о спасении от разбушевавшейся стихии. Вдруг вспомнил: мать, рассказывая о своем деревенском детстве, упомянула большой пожар. Чтобы остановить огонь, женщины, живущие в соседних домах, затапливали печи. В те времена он внимательно относился к ее рассказам. Переспросил: зачем? Мать ответила: «Огонь на огонь не пойдет», – но как-то неуверенно, будто повторила чужие слова. Следя глазами за стайкой старух, огибающих угловые строения, он ожидал увидеть струйки, выходящие над трубами, но правый экран переключился на людей, одетых в форму МЧС. Они двигались по дымному лесу, держа в руках толстые шланги, из которых били струи воды. Огромные языки пламени, только что стлавшиеся по земле огненными змеями, отступали, сворачиваясь у их ног. Голос корреспондента заговорил с новой, воодушевляющей, интонацией:

– С вертолетов уже сброшено более пятисот тонн воды. Спасатели знают свою работу и, как видите, отлично справляются, – воодушевление сменилось озабоченностью. – Огонь, который вырвался на поверхность, можно потушить. Главная беда – торф. Торфяной пожар начинается в глубоких слоях болот и только потом, окрепнув, вырывается на поверхность. К этому моменту огонь охватывает километры и километры леса, существенно затрудняя задачу пожарных. Губернатор Московской области, к которому мы обратились за комментарием, воз-

ложил вину на своего предшественника, который вовремя не осознал масштабность проблемы и не принял действенных мер. Люди, страдающие заболеваниями дыхательных путей, вынуждены эвакуироваться из столицы. Билеты в северных направлениях распроданы. Нам удалось побеседовать с женщиной, которая увозит в северную столицу двоих маленьких детей...

– Я сама родом из Петербурга. Там остались родители. У нас дача в Соснове. Дети совсем задыхаются...

Словно в доказательство ее слов на экране появились дети: мальчик лет пяти-шести и девочка чуть постарше. Оба в марлевых повязках. Девочка прижимала к груди большую куклу.

«Сосново. По лесной дороге отсюда – километров десять. На электричке еще короче, – он почувствовал гордость за свой город и область, не подвластные разбушевавшемуся огню. – Хотя... – озабоченно сдвинул брови. – В этом году здесь, у нас, тоже что-то странное. Но будем надеяться, до пожаров не дойдет... Низовые, верховые, подземные», – для памяти повторил наименования пожаров, упомянутые корреспондентом. В работе переводчика всё может пригодиться...

Эта работа – твое призвание, – теперь в ее голосе звучала материнская гордость. – Тебя ценят. Но самое главное, ты нашел себя.

При жизни они не были разговорчивы. Это свойство проявилось только после их смерти. Он пожал плечами, не позволяя им вовлечь себя в схоластический спор о призвании и поисках своего места. Стоит дать потачку, потом не остановишь.

Переждав их разочарованное молчание, попытался сменить тему: «А что, если и у нас? Болото. За линией Маннергейма. А вдруг уже тлеет, а потом – раз! – и вырвется...» – нелепая мысль. Одно дело там, в Москве...

Что-то кольнуло в бок. Он поворочался в кресле. Запустив руку в задний карман, извлек карандаш, которым вносил правки. Вертел его в руке, машинально, как иной верующий перебирает четки: «Конечно, призвание, а как иначе...»

Сидел, опустив плечи, забыв о пожарах, которые слизывали целые поселки, но не здесь, а где-то там, в Центральной России. Думал о себе, чувствуя тоску и острое отчуждение: как в ранней юности, когда выбирал профессию. Не то чтобы родители возражали. Просто высказывали сомнение: «Сынок, у тебя так хорошо с математикой. И мы, – взгляд на отца, – технари». – «Не знаю... – отец пожал плечами. – Какая-то... женская профессия. Не для мужчины...»

В половине одиннадцатого лег в разобранную постель.

Под набухшими веками плыли базарные старухи. Расположившись за дощатым прилавком, они стояли над плодами своих трудов. Стараясь отрешиться от давящей головной боли, он всматривался в их лица, но видел только овощи – на старушечьих плечах, вместо голов. Старуха-огурец. Старуха-картофелина. Старуха-кабачок...

Зрелище было *крайне* неприятным. Загорочался, пытаюсь угнеститься на матрасе. Жесткая пружина впиалась в бок. Подниматься не хотелось. Сделав над собой усилие, спустил ноги. Пошевелив растопыренными пальцами, встал и принялся стаскивать на пол: одеяло, подушку, простыню, старый плед, слежалое ватное одеяло. Оно-то и съехало, сбилось толстыми складками. Шарил, ощупывал продавленный матрас. «Так и есть: насквозь». Острие пружины пробился наружу – пророс железным ростком. Он расправил сбитое одеяло и уложил в обратном порядке: плед, простыня, подушка.

Протянув руку, выключил свет.

Сидя в крошечной тьме, думал о тех, чьи имена знал на память, но про себя называл: *они*. Их работы выходили в свет нечасто, всякий раз становясь заметным событием. Хотя и в узком кругу.

«Вот именно. В узком кругу... В который меня не допускали...»

Какая-то червоточина: с самого начала, с первых студенческих лет. Вечно чувствовал себя чужаком. Те из однокурсников, к кому он внутренне тянулся, вели себя так, будто самой судьбой именно им и никому другому предназначено стать переводчиками первого ряда. Вспомнил: однажды на семинаре обсуждали перевод одной девицы. Все высказывали свое мнение, большей частью хвалили, хотя перевод был так себе. Он встал и указал на ошибки. Девица, первая красавица факультета, надула губы. Когда выходили из аудитории, она шла впереди. «...Идиот... больше всех надо...» Однокурсник, которому она жаловалась, старался утешить. Он разобрал обрывки фраз: «Да брось... Охота тебе обращать внимание... Homo soveticus. Ошибка эволюции, тупиковая ветвь...» Отступил, спрятался за дверь – лишь бы не поняли, что услышал. Стыдно, ужасно стыдно. Только не понять, за кого?

И потом, в переводческой среде: что-то неуловимое, дрожавшее в воздухе. *Другие*. Белая кость. Вежливые, но высокомерные. Он – черная. Усмехнувшись, подумал: *те* бы сказали – серая. Всегда этот барьер, невидимый, но явственно ощутимый, который нельзя преодолеть именно потому, что его будто и нет: ткнешь пальцем – попадешь в пустоту. *Те* выбирали иных авторов. Он – со своим прекрасным знанием языка и извечной добросовестностью – всегда как будто промахивался. Слегка. Но это-то и есть – главное. Кафка... Ну почему Кафка?! Или, например, Сартр? Чем, чем им не угодил, скажем, Стефан Цвейг?!.. В плохие минуты приходила мысль о заговоре: нет, не гнусном, вроде мировой закулисы. В этом вопросе он предпочитал уклончивость: пусть не заговор, но сговор. Своего рода переводческий интернационал: писатели, которых выбирали *они*, рано или поздно становились лучшими, выходили в первый ряд.

На рубеже девяностых почувствовал себя свободным. Работал без оглядки на чужие представления о том, что *считать высоким*. С каждым годом главный редактор уважал его всё больше и больше.

Теперь ему ясно дали понять: он со своей извечной добросовестностью, глубоким знанием языка, навыками профессиональной работы и, черт побери! – прекрасным литературным слухом – *заменит*. А они – нет. С ними редактор не позволил бы себе амикошонской снисходительности. Не говоря уж о хамстве. В любом разговоре они сами задают тон. Оставалось признать: те, кого он называл белой костью, с самого начала стояли на ступеньку выше. Потому что выросли в других семьях... Их родители не бродили по помойкам, не корячились на огороде.

Лег и поворочался: пружина больше не жалила.

Тут-то и вспомнил: времянка. Забыл подпереть.

Не зажигая света, вышел на крыльцо.

Звезды, не различимые с земли, стояли высоко над лесом. Где-то там, готовясь к плановой посадке, двигался космический корабль. Астронавты липли к иллюминаторам, предвкушая встречу с неизведанной планетой. «Ну-ну, – пошутил горько, – главное, не промахнитесь. А то угодите в какую-нибудь Европу...»

Дошел до времянки. Закрыв дверь. Подпер черенком и покачал для верности. Со стороны дороги слышалось урчание мотора. «Неужто приземлились? Вроде рано», – усмехнулся, но все-таки подошел к калитке.

Тьму, стоявшую за забором, пронзали лучи, желтоватые, как отблески пламени. Они опали, словно поджали лапы.

В темноте он расслышал хлопок – будто включили левый телевизор, и различил силуэт – не то мужской, не то женский. Водитель выбрался из кабины и скрылся за калиткой. На соседской веранде вспыхнуло электричество. Он видел только отсветы, дотянувшиеся до кромки леса. «Приехали и приехали... Мне-то какое дело?..»

Часа через полтора, отчаявшись заснуть, прошелся по комнатам. Постоял у окна: в темноте, скрываясь за занавеской, словно боялся себя обнаружить. Потом все-таки лег.

Твердь неба (вторник)

Слабый свет, стоявший за окнами, проливался в комнату. Шевельнулась, чувствуя боль. «Шея... вывернула, да... но что-то еще...»

Рыжий лохматый абажур... Кисточки... Стол, покрытый плюшевой скатертью... Еще не проснувшись, прислушивалась, силясь расслышать стук пишущей машинки или шаги. С чердака не доносилось ни звука: «Где он?» – открыла глаза, пытаясь объяснить себе, почему отец не работает. Вытянула руку – поправить сползшее одеяло: ногти, покрытые светлым лаком. «Это – не моя... Не я... О, Господи! – в шее что-то хрустнуло, будто позвонок времени встал на место. – Я же приехала, вчера...»

Вчера бродила в темноте, шарила по стенам, нащупывая выключатели: рука натыкалась сразу, как будто помнила. В подполе что-то шуршало. Не иначе какой-нибудь барабашка.

– Уеду, будешь хозяйничать, – сказала, не узнавая своего голоса, молодого: будто голос, в отличие от руки, еще на несколько мгновений задержался в прошлом, где отец работал на чердаке.

Домашний божок сидел тихо.

– А жаль. С тобой было бы дороже. Замок с привидениями... – понимая, что это «жаль» относится не только к стоимости дома.

Уже проснувшись окончательно, оглядела комнату глазами взрослой женщины, в которую превратилась окончательно. Занавески, слишком узкие, чтобы сойтись посередине, едва прикрывали срам: тощую этажерку на бамбуковых ножках, ширму, затянутую рваным шелком, стулья с продавленными сиденьями. Вспомнила слово: «венские». Безумные кисточки – материнское рукоделье. Такие же, только свалевшиеся, украшали плюшевую скатерть. Убогий родительский уют. Хлам, который они называли антиквариатом.

Чтобы *это* стало антиквариатом, надо было вложиться. Заплатить немалые деньги.

«Неужели продуло? Не подушка – сплошные колтуны. Свалевшиеся перья...»

Встала, прошлепала босиком. Дубовый шпон, кое-где вспухший от сырости, но резьба более-менее в сохранности. Распахнув дверцу книжного шкафа, вынесла равнодушный вердикт, как оценщик в чужом доме: «Поздно. Жучок».

Глаза бежали по стенам, выхватывая цветные репродукции: «Сад земных наслаждений» – в ее детстве этот триптих висел в городе, в отцовском кабинете, потом переехал на дачу, – васнецовская «Аленушка». Выцветшие, засиженные мухами. Эти рамки отец изготавливал сам. Пилил, вымерял – вечно выходило криво. Особенно уголки. «Посмотри, кажется, незаметно». Фыркала: еще как заметно! Отец недоумевал: ну где, где тебе заметно? Тыкала пальцем: здесь и здесь. Подходил, смотрел невидящими глазами: «Нормальные люди на *это* не смотрят, главное то, что в рамке».

«По-твоему, я ненормальная?» – женский вопрос, на который никакой мужик не ответит, кем бы он ни был: отцом или любовником.

«Нормальные люди это понимают. Жизнь сложилась. Главное, мы с тобой любим друг друга».

Один диалог наложился на другой: как фон и трафарет. Отец и женатый мужчина, которого любила долгие годы, но в конце концов приняла решение расстаться, делали вид, будто разговаривают с ней. На самом деле – друг с другом, через ее голову.

«Хочешь сказать: жизнь – рамка?»

На этот раз любовник ответил прямо, не прячась за спину отца: «Во всяком случае, накладывает рамки... Если ты меня любишь...»

Накладывают швы. Или гипс. Рано или поздно и то и другое снимают: нитки вытаскивают, гипс раскалывают...

Они стояли в прихожей. Он уже надел пальто и теперь рылся в кармане, искал ключи от машины: «Моя жена ни в чем не виновата. По отношению к ней я не могу поступить неблагодарно. Ты должна понять».

К ней?! А ко мне? – громко, во весь голос, как сделала бы любая женщина, которой разбили сердце.

Не крикнула, заставила себя сдержаться. Ответила ровным голосом: «Я понимаю... Не как женщина. Как человек». – «А какая разница?» – «Большая. Можно сказать, решающая. – Ключи лежали на полке. Зачем-то загадала: если не найдет, значит... *Не значит. Ничего не значит.* – Вот они», – протянула руку и подала. «Не понимаю», – он сунул ключи в карман.

Стояла, смотрела вслед. Он шел не оглядываясь. По обеим сторонам дорожки лежали высокие сугробы. На снегу отпечатывались следы. Прежде чем отойти от двери, подумала: «Сказать Василию Петровичу. Пусть подметет».

Женщина не бывает благородной. Благородным может быть человек, существующий в женском теле.

В стекле, засиженном мухами, отражается ее лицо, не слишком молодое. Теперь и сама не может понять, как вышло, что столько лет существовала в мире, который построил ее любовник, преданный жене. Если жизнь – рамка, выходит, любовь – картинка? Репродукция – выцветшая копия с неизвестного подлинника. Прожив жизнь, так и не узнала, в каком музее его можно найти.

Бывший муж любил повторять: жизнь – театр, все мы только актеры. Актеры на сцене. А в зале?..

Первое время: ангелы – доверчивые зрители, верящие только в хорошее. С годами среди белых перьев и сложенных крыльев появляется кто-то другой. Будто что-то поменялось в воздухе: хочется пороть отсебятину, нет, я не дотяну до антракта, но все-таки дотягиваешь. А потом, однажды, когда выходишь на поклон, вдруг понимаешь: ангелы давно отлетели. Тебе аплодируют твои собственные демоны – самые верные зрители, которые всегда с тобой...

В домашних декорациях эту сомнительную пьеску играли вторым составом. Возвращаясь домой, смотрела на мужа: к тому времени он тоже завел любовницу. Гадала: интересно, кому он больше предан? Видимо, мне. Когда построила дом, оставила им квартиру. Краем уха слышала: у них родился сын.

Она возвращается в постель, лежит, прислушиваясь к тишине. Мертвой, от которой звенит в ушах. Все правильно. Так и должно быть. Не Рай и не Ад. На долю женщины, чья жизнь без остатка отдана работе, остается Чистилище.

В новой пьесе у нее отличная роль: *женщина между двух стран.*

Италия – Россия. Россия – Италия. Туда и обратно: по меньшей мере раз в месяц. Первое время чаще. Каждый раз просила заказать новую гостиницу.

Партнер недоумевал: «Что-то не так? Хорошая гостиница...» – «Хорошая. Но я хочу другую». Потом уже не спрашивал. Видимо, решил: эта русская – капризная штучка. Другую так другую. Слава богу, Рим – большой город.

Полгода назад случился сбой. Поднялась в номер, разложила вещи. Над кроватью – репродукция в рамке: Боттичелли. Нимфа, плененная любовью, превращается в богиню. Эта же картинка висела в самом первом гостиничном номере. Поняла: всё. Гостиницы кончились. Во всяком случае, для нее.

Сколько можно летать... Аэропорты, очереди на регистрацию, паспортный контроль.

Взгляд женщины-пограничницы, когда она сравнивает твое живое лицо с мертвым – на фотографии. Наши пограничники снисходительны только к иностранцам. В их глазах мы заранее виноваты: родились здесь...

Она пытается согреться под одеялом. Тело ходит мелкой дрожью.

В самолетах полно чужих детей, которым не сидится на месте. Родители не торопятся унять. Одернуть, прикрикнуть: вы мешаете взрослым пассажирам! А еще старухи. Она не переносит старух. Выглядываются из-за кресел, перемигиваются с чужими детьми, зовут: ку-ку! Ку-ку! Лишь бы заговорить неусыпное время: еще не старуха, женщина, потому что люблю детей. На детей надо смотреть сурово и непреклонно. Как пограничницы, пропускающие души пассажиров из одного условного пространства в другое: стоящие на границе двух миров. Дети должны усвоить: они виноваты. В том, что остаются после нас.

После нее не останется никого. В этой очереди она – крайняя.

Души, расположившиеся в креслах, жмурятся – боятся смерти. Она не боится. На месте летчика взлетела бы как можно выше, куда-нибудь в стратосферу. Небо тверже земли. Мгновенный удар. Когда ее тело обнаружат, каждый сможет убедиться: там, внутри, пустота.

Каждый раз, когда стюардесса объявляет: *наш самолет приступил к снижению*, – она ждет момента, когда шасси коснутся полосы. Пассажиры аплодируют, благодарят за отсрочку. Она аплодирует вместе со всеми. Смерть – встреча с родителями. Ее радует, что эта встреча отложена на неопределенное время. Может быть, до следующего раза, когда ее душа расположится в самолетном кресле, готовясь оторваться от земли.

«Хорошо хоть открыла форточку». За ночь немного протянуло: выветрило нежилой дух.

По вечерам родители устраивались на веранде. Ничего не изменилось. Такое впечатление, будто они там. Мать вышивает или вяжет. Отец пилит лобзиком. Гордится: «Интеллигентный не значит беспомощный». Мать кивает, то и дело сбиваясь с рисунка: свяжет – распустит. Огрехи все равно остаются. Как раньше, когда наряжалась в собственные творения. Ей, дочери, это всегда бросалось в глаза...

Упрямо пытаюсь справиться с дрожью, думаю: именно беспомощные. За каждой мелочью звали каких-то работяг. Платили не торгуясь. Те пользовались, задирали немыслимые цены. Даже я понимала. Лет с пятнадцати договаривалась сама. Просто назначала цену. Не нравится – найму другого. Работяги становились шелковыми. Не было случая, чтобы кто-нибудь отказался...

А еще – их гости. Всегда с ночевкой. Утром слонялись по участку, сидели на веранде, пили чай, как будто не решались уехать. Просто встать и уехать. Тех, кто явился впервые, приходилось провожать. Тащиться до самой станции. Впрочем, родителей это не пугало. Любили прогуляться – хоть до станции, хоть по лесу, до линии Маннергейма... Говорили: надо сходить, продышаться, в лесу особенный воздух. Чем он особенный, если дача, считай, в лесу?..

Она ныряет под одеяло. С головой, как в юности, лишь бы не слышать дурацких разговоров, пересыпанных *интеллигентным* матерком. Как-то спросила: зачем ваши гости ругаются? Мать всплеснула руками: боже мой, что ты выдумываешь! Отец попытался объяснить: «Пойми, в данном случае это – совсем другое. Существуют разные уровни языка. Когда культура речи достигает определенного уровня, бранные слова воспринимаются как эмоциональные всплески. Своего рода – игра. В каком-то смысле их *просто* не слышишь...» – он обернулся к матери. «Да, я тоже не слышу...» – мать подтвердила охотно.

Однажды сказал: «Ты – взрослая девочка. Должна понимать: то, что говорится за нашим столом... Об этом нельзя с посторонними».

Усмехнулась, потому что подумала: посторонние – это вы. И ваши гости.

Смотрели, как дочь собирает грязную посуду: тарелки, кофейные чашки. Пустые рюмки оставляли где попало. Окурки по всему участку: ходила, собирала в ведро. Никто не заставлял. Но проще собрать и вымыть, чем ходить мимо, дожидаясь, пока мать наконец раскачается.

Села, вытянула ноги. Косточки снова опухли. Забыла принять мочегонное. Роясь в сумке, пыталась нащупать телефон: «Черт! Забыла в машине...» – с вечера даже не вспомнила. Будто и вправду вернулась в прошлое, в котором нет ни мобильных, ни неотложных дел. Отец говорил: здесь, на даче, как будто выпадаешь из жизни. По утрам, когда открываешь дверь, видишь этот тихий свет. Чувствуешь воздух, первозданный, будто льющийся неизвестно откуда. Райский. А ты стоишь и пьешь: глотками, словно ключевую воду... Неужели не ощущаешь? Это же так просто: иллюзия полноты.

Отводила глаза. Вот именно: не жизнь, а сплошная иллюзия...

В просвете занавесок голубеет небо, мягкое, еще не тронутое жарой. Она пытается раздёрнуть пошире. Ржавые ходунки впились клещами. Паутина по углам, на подоконнике мушиные трупки. Усилием воли заставляет себя *не смотреть*.

Позавчера, планируя дела, раздумывала: может, отправить кого-нибудь вперед. Пару молдаванок – здоровые бабы, дня за два бы управились, навели порядок. По крайней мере, приехать в чистый дом. Ни грязи, ни пыли. Потом представила: ходят, разглядывают... Посмеиваясь, собирают материнские салфетки...

«Так, – защелкнула косметичку. – Теперь – кофе, – тут только сообразила: не на чем варить. – Где ж эта плитка?... А вдруг не работает?...» – вышла на крыльцо.

Лебеда, крапива... И раньше было запущено, теперь совсем заросло. «Мы – городские жители. В наших генах этот навык отсутствует – умение работать на земле». Возражала, приводила в пример соседей: «Тоже городские. Просто пашут как *папы Карлы*». Отец поправлял: «Итальянские мужские имена не склоняются: папы Карло, о папе Карло...»

Пример соседей не действовал. Мать кривилась: «Только этого не хватало: стоять кверху задницей над грядками!» Отец подводил политическую базу: «Пойми, наше государство не справляется с продовольственной проблемой. Вот и выделяет участки. Чтобы граждане сами обеспечивали себя овощами. Лично я под эту дудку плясать не намерен».

Заросший участок – безупречная гражданская позиция.

Лет в шестнадцать приняла первое важное решение: сразиться с этим безруким драконом – разбить цветник.

Рассада продавалась на рынке. Были б деньги, купила бы у бабок.

Соседка удивилась: «В июле? Поздно, не приживется...»

«Приживется, – ответила уверенно. – Вот увидите. Я буду ухаживать». Соседка улыбнулась, но потом дала: много. Разных. Выкапывая, объясняла: эти – на свет, эти – в тень. Слушала внимательно, старалась запомнить. Практические знания. Вроде секретного оружия против родительских неумелых генов. «Ты, *доченька*, если что – не стесняйся, приходи».

Конечно, *это* она понимала и тогда: доченька – всего лишь слово, простонародное обращение. На крыльце сидел мальчик – их сын. Вечно с книжкой, пока родители надрывались в огороде. Теперь, после *этого* слова, подумала: я бы помогала. Не сидела как пень.

Единственное лето, когда на родительском участке выросли цветы. Все-таки прижились. Выходя на крыльцо, любовалась *своей собственной* клумбой. Родители ахали: «Красота!!» Как будто дело в красоте. Да, и в красоте. Но главное – сумела, справилась. Значит, не гены. Если принять решение – все получится. На следующий год на цветы времени не было: сначала выпускные, потом вступительные. Но те цветы – самый первый случай. Потом ее жизнь уже никогда не была прежней.

Родители настаивали на филологии. Ответила, как отрезала: «Я – в торговый». Мать хваталась за сердце: «В нашей семье! Господи... Мы – не торгоши!» Отец пытался переубедить: «Сама пожалеешь. Торговля... – морщился, подбирая определение. – Купи-продай... Мещан-

ство засасывает. Быстро, не успеешь оглянуться. Ты – девочка из интеллигентной семьи... Духовные потребности... Пойми, это все – грязь!»

– Не грязь, а земля.

Лишь бы отстали.

Они и отстали. Вроде бы смирились, оставили в покое. Но все равно чувствовала барьер, полосу отчуждения. Даже их друзья. Раньше всегда спрашивали: как в школе, как оценки? Теперь, когда собирались, разговаривали о чем угодно, кроме ее учебы: «Как в доме повешенного...»

Она оглядывает соседский дом, не подающий признаков жизни: «Скорей всего, живы. И она, и муж. Работали на воздухе. По ночам никаких гостей... Этот мальчик, как же его?.. Саша... Володя... Леша?..»

Мысль о соседском сыне становится фоном, на котором уже разворачиваются другие, насущные: «Съездить в ДЭК, нанять людей. Пусть хотя бы выкосят. Белорусов или этих, *западнцев*. Только не наших алкашей. По уму, надо бы покрасить. Хотя бы временку: а то сарай сараем. Создать приличное впечатление. Покупатели – идиоты, особенно бабье. Смотрят на всякую ерунду... – Оглядывая вагонку, шелушащуюся старой краской, вытаскивает сигарету, раздраженно щелкает зажигалкой. Без кофе сигарета кажется горькой. – Шифер – тоже. Наверняка растрескался. – Края шиферных листов, выщербленные, будто обкусанные огромными зубами. На месте укусов чернеет рубероид. – Нет. Заводиться некогда. Ни с крышей, ни с краской. Слишком мало времени...»

Открыла сумку, вынула листок: список необходимых документов. Первым пунктом: *кадастр*. В районном центре работает специальная контора. Позавчера нашла в Интернете: улица Клары Цеткин. Дозвонилась. Слава богу, можно по срочному тарифу. Приедут, сделают съемку. Дня через три оформят полный пакет. «Скажу: готова доплатить отдельно... Да, еще какой-то квиток. Или – бланк? Девушка сказала: *розовый*».

Дачные бумаги лежали в синей папке. Перебрала тщательно, по одной. Перезвонила конторской девушке. Та: ищите. Розовый бланк, выдавали всем.

Уже выйдя за калитку, вспомнила: вынести белье. Просушить на солнце. После зимы все влажное: и одеяла, и подушки...

Ты – дочь писателя.

Оборачивается: отец стоит на крыльце. Стоптаные задники. На губах – блаженная улыбка. Потягивается, вскидывая руки...

«Только этого не хватало!» Оглядывает пустое крыльцо. Решительно идет к машине, открывает дверцу.

Даже ей было понятно: не писатель, а член Союза писателей. За всю жизнь – один роман. Сто лет назад, в журнале «Юность». Мать собирала рецензии, складывала в папку: «Слава богу! Наконец твоё имя звучит». Звучало, но недолго.

Нет, дело не в деньгах. Как-то он всегда зарабатывал: выступал на заводах. Однажды, ей было лет десять, взял с собой. Ее посадили с краешку, во втором ряду. Отец рассказывал о своей жизни: работал в газете, потом решил стать писателем. Сказал: писатели – инженеры человеческих душ. Дома он так не говорил. Но ей понравилось: как будто большой завод, на котором делают души. В конце все заплодировали. Она тоже аплодировала, но не так, как все, по-другому. С гордостью: я – его дочь. Казалось, все смотрят и завидуют.

– Ну вот, теперь не успею. Думала забежать в стол заказов. Ты-то успела?

Женщины разговаривали между собой.

– Да тоже не успела, как раз шла, а тут Алексеич: писатель, мол, приехал. Я и так, и этак... А чего сделаешь, раз попалась. Теперь уж после смены.

– После смены хороших не останется. Разберут. Не знаешь, по сколько в одни руки? Мне бы две надо, у Петра день рождение. Добро бы знаменитый, а то присылают невесть кого... Пикуля, небось, не пришлют.

– Так он и сам не приедет. На Пикуля-то я с удовольствием...

Вечером спросила: «А Пикуль – хороший писатель?» Отец поморщился: «Плодовитый». – «Он тоже инженер человеческих душ?» Удивился: «Где ты набралась таких глупостей? Хотя... – махнул рукой. В дверях обернулся: – Не знаю, как бы тебе объяснить... Иногда нам всем приходится говорить такие вещи... не то чтобы стыдные...»

Сотрудничал с каким-то журналом, но это позже, ей было лет пятнадцать. Отвечал на письма, писал рецензии на самотек. «Откуда их столько?» – не договаривала: идиотов, вообразивших себя писателями. «Талант надо поддерживать, бездарность пробьется сама», – веско, словно сам же и родил эту непреложную истину. Едва сдерживалась, чтобы не спросить: а ты? Ты-то почему не пробился?..

В городскую квартиру они приходили довольно часто. Назывались: *молодые писатели*. Бородатые, лет по тридцать – на ее тогдашний взгляд, старики. Возился как с родными. «Когда вырастут, станут как ты?» Ее ехидство отец пропускал мимо ушей. Отвечал серьезно: «У каждого писателя своя судьба». – «А у читателя – не своя?» – «Иногда своя, но, как правило, общая...»

Вечно строил планы, делился с матерью сюжетами будущих *произведений*. Слово, от которого бросало в дрожь. По утрам сидел на чердаке. Называлось: отец работает. Когда спускался к обеду, мать всегда интересовалась: ну как? Кивал: сегодня работалось неплохо.

Спалось, работалось, жилось – сплошные безличные формы, словно от самого человека ничего не зависит...

Мобильник ворохнулся, подавая признаки жизни.

Один неизвестный, остальные – ничего срочного. Поворачивает ключ зажигания. Под шинами хрустят ветки. Поелозила, усаживаясь поудобнее.

Корни, кочки, камни... Выворачивая на грунтовую дорогу, думает: хорошо, что не паркетник. И как не распарывают днища? Этим местным плевать: не ровняют, не убирают. Правление даже не чешется. Прошлым летом слупили десять тысяч. Позвонила, поинтересовалась вежливо: с какого такого перепугу? Бухгалтерша: потери в электрических сетях, вывоз мусора, дорожные работы. Ну, и где их работы?..

По правую руку начинается тропинка: вниз, вдоль оврага. Та самая. Однажды – «Сколько же мне было?.. Лет пятнадцать...» – отказали тормоза. Велосипед понесло по кочкам. Впереди – старуха с коляской. Крутанула руль. Вниз, в овраг, сдирая колени и локти.

– Сволочи! Разъездились! Ездют! – старуха орала дурным голосом. Сквозь боль думала: я не виновата... Я же спасла...

Спасенный младенец пучился бессмысленными глазками.

Еще долго снилось: кровь, старуха, перевернутая коляска. Младенец – неподвижный, как сломанная кукла. Просыпалась в холодном поту. Потом вроде бы забылось. Год назад ехала по поселку, не здесь, в Репино. Впереди старуха с коляской, далеко, метров пятьдесят. Вдруг, будто что-то сместилось, вступило в голову. Дала по тормозам. Казалось, в последнюю секунду. Мотор захлебнулся и заглох. Сидела, ужасаясь себе: что это?.. Что со мной?..

Потом еще и еще: вдруг, ни с того ни с сего, начинали трястись руки. Останавливалась где придется. Включала аварийку. Сидела, приходя в себя. Дожидаясь, пока *это* пройдет. Одно время подумывала о том, чтобы нанять водителя.

Переваливая через рытвину, джип выбирается на асфальт. «Хватит. Я справлюсь. Уже справилась».

Она сует руку в бардачок. Надевает очки, будто опускает забрало.

Глядя на мир сквозь темные стекла, откидывается на сидении. Выезжает на асфальтовую дорогу. С удовольствием, чувствуя мощь – прирученную и послушную, – жмет на газ... —

* * *

«Что-то плохое... Вчера... – в полудреме, еще не вполне проснувшись, он попытался сообразить. – Да. Замок... Снова тащиться в ДЭК... – пошарил, нащупывая часы. Под руку попала книга, потом очки. – Четверть девятого...» – спустил ноги. Поелозил по полу, попадая в тапки, прислушиваясь к шуму мотора. Шлепая стоптанными задниками, липнущими к пяткам, подошел к окну.

Выглянул, скрываясь за занавеской: напротив соседского участка разворачивался черный джип. «Соседи. Уже уезжают?.. Сто лет не приезжали...»

Оделся и, предвкушая радостное мгновение, когда жизнь, еще не вошедшая в силу, медлит, замерев у крыльца, вышел на веранду. Стенные часы показывали свое собственное время: без пятнадцати три. Не то день, не то ночь. Сколько раз собирался поменять батарейку... Отвел глаза виновато и открыл дверь.

Вдохнул еще сонный, еще тихий и мирный воздух.

Оглядел близкие сосны, перешагнувшие за кромку леса, скользнул взглядом по кустам, сбившимся в стайку: казалось бы, все осталось прежним – ни шума, ни скрипа, ни малейшего дуновения, но что-то *неприятное* будто стояло в воздухе. Повернул голову и обмер.

Дверь во времянку была ОТКРЫТА. Черенок лопаты лежал на земле.

«Не может быть...» – смотрел, не веря своим глазам. На этот раз никаких сомнений: вчера-то уж *точно* подпирал. Еще и покачал для верности.

Помедлив, двинулся вниз решительным шагом.

Стол, ведро, плитка, красный газовый баллон.

«Ветер. Конечно ветер...» – пробормотал и открыл холодильник.

Достал два яйца. «Последние, – молочный пакет, брикетик сливочного масла. Включил электрическую плитку, машинально, не успев почувствовать вины. – Заодно и куплю», – добавил щепотку соли и взялся за венчик. Взбил и вылил на сковородку.

Алюминиевый ковшик лежал на дне. Мусорные былинки замерли в осевшей мути. Вздыхнув, взялся за металлическую дужку.

Шаркая стоптанными тапками, дошел до крана. Выплеснул мутный осадок, поставил ведро. Струя била о дно. Стоял, украдкой поглядывая на соседский участок, не подававший признаков жизни. Торопливо привернув кран – *нельзя, чтобы лилось под фундамент. Размочит*, – потащил обратно. Донес, водрузил на табуретку.

«А если попробовать? Вывернуть винты. Не винты, а шурупы», – поправил себя отцовским твердым голосом. Съел омлет – торопясь, не чувствуя вкуса. Снял с конфорки почти крутой кипяток, заварил в чашку.

Прихлебывая мелкими глотками, вышел на двор. Посмотрел в небо, еще не обретшее полуденной твердости, вздохнул и направился к сараю, который родители называли мастерской.

Шурупы и гвозди, разобранные строго по калибру, – в пустых консервных банках. В отдельном ящике – электрические вилки и патроны. Мотки проволоки – над верстаком на гвоздях. В отцовские времена это называлось: *всегда под рукой*. Пыль, покрывавшая верстак, слегка серебрилась: он растер между пальцев, чувствуя кожей мелкую металлическую стружку. Шарил по полкам, пока не нашел отвертку. Возвращаясь к времянке, думал: «Хорошо, что *эти* уехали. На своем джипе... —

* * *

Девушка полезла в шкаф, нашла амбарную книгу:

– Свидетельство. Право собственности на землю. – Предъявила, ткнув наманикюренным пальцем. – Конечно получали. Вот число.

Подпись, знакомая с детства, выплела, словно ее присыпали пылью. Этой закорючкой отец подписывал ее школьный дневник. Перед глазами встали страницы, расчерченные по дням недели: понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота. Все, кроме воскресенья. Словно день, приходящийся на отдых, не достоин родительского попечения.

Голос девушки перечислял документы.

Машинально кивала головой, пытаясь представить: вот он входит, отстояв очередь. Скорее всего, длинную. *Розовые бланки* – святое. Все ринулись получать. Девушка, предшественница этой, подает обгрызенную ручку. Он подписывает, склонившись над столом...

– А если *все-таки* не найду?

– Ну... – девушка хлопнула ресницами, – конечно... восстановить-то можно, но это требует времени и... – взгляд ушел в сторону.

– Я понимаю, – снова кивнула, чувствуя привычную тоску. Как всегда, когда попадались стеснительные вымогатели, чьи притязания сводились к ничтожным цифрам. – И где это можно сделать: у вас?

– Ну да. Мы же храним, – девушка положила руку на книгу, в которой хранила подписи умерших родителей. – Можно обратиться. *Всегда*.

Слово царапнуло неприятно.

– Вы сказали: подписи соседей... – привычным ухом поймала *узкое место*, вынула кошелек, достала бумажку – не крупную, среднего достоинства, – выложила на стол.

– Ну, вообще-то это форма-альность, но обязательно должны подписать... – Судя по певучему голосу, вполне удовлетворившись бы и меньшей. – ...Что они согласны. Признают границы участка...

– А если, – улыбнулась доброжелательно, – не подпишут?

– Лето, – девушка удивилась. – Все на даче. Вот если бы зима...

Встречный поток исьяк. Свернув, въехала на парковку.

Шла, поигрывая ключами. Стекланные створки разошлись автоматически.

– У вас есть электрические плитки?

– В отделе техники, – продавщица, дежурившая у входа, мотнула подбородком.

Садовая мебель, тазы, тапочки, настольные лампы, торшеры – всё местного производства. Шла вдоль поперечных стеллажей. «Понаделали. Уйму говна. Кто-то же покупает...»

– А я думаю – этот... За семьсот двадцать. Обои-то желтенькие... Или вон тот, зелененький, – тетка в красном сарафане сравнивала ценники. – Зелененький лучше: за шестьсот девяносто...

В отделе техники тон задавала белизна. Белоснежные контуры: твердость белого цвета.

Супружеская пара сделала свой выбор: муж тащил картонную коробку.

– Ну и как ты его пихнешь? Ширина-то два пятьдесят... – сарафан цвета пожарной машины мелькнул в дверном проеме.

– Пихну... Подвяжу багажник...

Цепким взглядом обшарила электрические плитки. На секунду шевельнулось сомнение: в сущности, и нужна-то на пару дней. Если бы не тетка в красном сарафане, взяла бы самую дешевую, отечественную. «*Потом кому-нибудь подарю*. Наташе, – вспомнила домработницу, с которой сложились добрые отношения. – Кажется, у нее есть дача...»

Пожарный сарафан горел в отделе напольных покрытий. Продавец отматывал линолеум. Проходя мимо, бросила короткий взгляд. «Так и есть – *пестренький*», – отметила удовлетворенно.

– Где тут у вас подушки?

Девушка, перебиравшая принадлежности для бани: войлочные шапки, коврики, лоханки, сбитые из дерева, – задумалась:

– Там, за вокзалом. Сперва супермаркет, потом «Семена и удобрения», потом...

Вот именно. В этом все и дело: вырвать себя. С корнем, из этой почвы, в которой прорастают одни и те же семена... На одних и тех же удобрениях...

Свернула к кассе, одной рукой прижимая к себе коробку, другой нащупывая кошелек.

– В отделе проверили? – баба, сидевшая за кассой, осведомилась строго.

– В отделе нет продавца, – ответила наобум, но твердо: не хватало тащиться обратно.

Твердость сработала. Вдохнув, кассирша взялась за коробку: распечатала, сунула вилку в розетку:

– Грееет, – рука с перламутровым маникюром лежала на конфорке. – Маша, подай-ка бланк.

Девушка, прозябавшая за соседней кассой, порылась и протянула.

Красный сарафан сопровождал тележку с рулоном. Тележка вырливалась к свободной кассе. Девушка, подавшая бланк, встала:

– Галин Степанна, я – пописать, покараулите? – удалилась, цокая каблучками.

Тележка, на секунду замерев в недоумении, покорно отъезжала назад.

– Пять тысяч триста семьдесят.

Открыла кошелек, вынула карту. Кассирша нахмурилась и покачала головой:

– Принимаем *только* наличными.

– Почему? У вас же... Вон... – смотрела на считывающее устройство.

– С утра не работает. Телефон отключили.

– А... когда подключат?

Тетка развела руками:

– Может, завтра. А может...

– У меня... – порылась в кошельке, – только пять... – вынула тысячные купюры, расправила веером.

– Ну а я-то чего! Приходите завтра...

– Так, – стояла, оглядываясь. – Где у вас банкомат?

– У нас? Нету. Или возьмите другую. Отечественную... – в голосе посверкивало тайное удовольствие.

Тетка в красном сарафане прислушивалась, словно принимала участие. Судя по выражению лица, на стороне кассирши.

Перемогая вязкое бессилие, двинулась обратно.

Стояла, смотрела на ценники. Будто поставили на одну доску – с красной теткой, с пестрым, в *дрыздочки*, линолеумом, с убогим торшером...

«Идиотка. Привыкла, что везде банкоматы... В принципе, подъехать к конторе, там точно есть... – тут только сообразила: разница – триста семьдесят рублей. Если бы не дала конторской девушке... Развернулась и пошла к выходу. – Там их не будет», – нащупала темные очки.

Эти заканчивали погрузку. Супруг разматывал веревку. Толстый рулон торчал из багажника синих «Жигулей».

Подавая назад, поймала взгляд *отечественной* женщины.

...Не хочу... Не хочу и не могу... Молчат. Все равно слышу – каждое слово. Почему?.. Господи, да потому! Потому что сама состою из этого...

Работала, вертелась как белка в колесе. Лет пять назад наступило равновесие. Так в бизнесе не удержишься. Любое равновесие неустойчиво: либо вперед, либо – назад. В позапрошлом году поняла: здесь, в России, вперед уже нельзя. Всё начинает буксовать – прибыли, затраты. Вымогатели совсем оборзели. Но дело не только в этом: что-то еще, не вполне ясное. Ощущение смутной опасности, которое стоит в воздухе: надо валить! Не так как в начале девяностых, не на свой страх и риск, не очертя голову. Есть время, чтобы отойти на заранее подготовленные позиции...

– Да, – ответила, притормаживая.

Партнер говорил медленно, на своем туговатом русском. Дослушала, не перебивая.

– Нет... Возникла небольшая задержка, но, надеюсь, через несколько дней. Максимум через неделю... Да, я знаю... – смотрела на высокий забор, рядом с которым остановилась. – Не в городе... Нет, – помедлила. – У родителей.

С той стороны установилась недоуменная тишина.

– Оформляю документы. Долго объяснять, – подумала: и не к чему.

За сплошным забором высился кирпичный дом, аккуратно оштукатуренный. Углы обложены декоративным камнем. Тарелка на крыше. У себя в Репине не обратила бы внимания: там такие дома – обычное дело. Можно сказать, средней руки. «Старый снесли, построили новый... Еще повезло с местом. У самой дороги. Есть где развернуться цементовозу, грузовикам с песком и гравием».

Агент, продававший участки, предлагал на выбор: Репино или Комарово. Дача в Комарове – мечта отца, писательский рай, в который, как ни старался, так и не сумел проникнуть. Честно говоря, екнуло: «А что, если?.. Так сказать, идущие за нами...» А потом представила: за каждым забором – писатель и жена писателя. Родители – многократно умножившиеся, населившие эту землю...

Второй этаж выдавался широким балконом. Сквозь баясины проглядывала ротанговая мебель: стол и три кресла. «Выходят, созерцают убогие окрестности: дома-развалюхи, временки, сараи... Воображают, что отделились от соотечественников... Зажили новой жизнью...»

– Конечно, позвоню. Чао-чао...

Подъезжая к ДЭКу, подумала: «Или все-таки покрасить?.. Нет, – на этот раз решила твердо. – Не успеть. Пока вызову, пока... —

* * *

– А подите к черным!

Он моргнул. Фраза, повисшая в воздухе, на слух напоминала ругательство.

В ДЭКе ответили: рабочих нет, ищите частных. Потоптавшись у вывески, направился к рынку. Овощные бабки стояли за прилавком. Кабачки, мутные банки, ягоды в пластмассовых майонезных ведерках – на этот раз только крыжовник. *К черным* его послала костистая, самая высокая из трех.

– Да уж тогда к белорусам! – другая, одетая в мужской пиджак с широкими подложными плечами, перебила.

– К белорусам! Белорусы-то сдерут! – третья, у которой вчера купил смородину, сбрызнула пучки: укроп и петрушку.

– Так зато и сделают. А черные – чего? Вон у меня, прошлый год, – костистая распрямила спину, став еще выше, – надо яму. Подрядились копать. Ладно, говорю, ройте. А они: балá-балá по-своему, – она замолчала, будто ожидая ответной реакции слушателей.

– И чего, вырыли? – бабка в пиджаке сверкнула глазами, предвкушая *страшный* рассказ.

– Вырыть-то вырыли, – костистая признала не-охотно. – А все равно. На двор выйдешь, а они: балá-балá, балá-балá... Прямо не по себе делается. Белорусы хоть говорят по-нашему...

Он слушал, не веря своим ушам: минутою назад она отправляла его к кавказцам, а теперь заняла сторону белорусов? Впрочем, черт с ней! Какая разница!

– А где их... кого-нибудь... найти? – вклинился в разговор.

– Да везде, – бабка в пиджаке махнула рукой не-определенно. – Вон, у дороги. Или там. Ходят у лесопилки. И чего ходят... – она бормотала безумные слова.

У дороги, прижавшись к обочине, стояли грузовики. На бортах белели крупные косоватые буквы, мелом: «Дрова», «Песок», «Гравий». Подходя, он задавался недоуменным вопросом: зачем писать, если нагружено с верхом?..

Водители, собравшись у головной машины, курили солидно и неспешно.

С каждым шагом становилось все больше не по себе, как в детстве, когда выходил во двор, где заправляли здоровые парни. Чувствовали себя хозяевами жизни. К этой общей жизни он не был допущен. Пытался, но не мог приспособиться: перенять их ужимки, особые словечки, которыми они обменивались. Что ни скажешь – всегда некстати. Хохотали, тыкали пальцами. Он помнит до сих пор: хохот стаи, уверенной в победе.

Однажды подслушал разговор. Одни стояли за углом. Один сказал: «А этот, урод-то наш, где? Чего-то давно не видно...» Другой ответил: «Явится. Куда денется...»

Эти выглядели испитыми и тощими, но в их глазах стояла та же неотчуждаемая правота: мир, к которому они приспособили свое существование, состоял из дров, песка и гравия. Ничьих. Как молочные реки с кисельными берегами: рубай, насыпай, черпай. Главное, найти слабаков, согласных платить *живые деньги*.

– Интересуетесь? Дрова сухие, березовые. Шесть тысяч. Если требуется, наколем. Но, как говорится, за отдельную плату, – первый водитель хохотнул радушно, по-хозяйски.

– Сами-то строитесь или – как? – затушив прицельным плевком, второй отшвырнул окурок. – Песок чистый. С карьера.

– Мне сказали... Где-то здесь можно нанять человека...

– На какие работы? – третий включился по-деловому.

– Замок. Сломался. Может быть... Кто-то из вас?

«Зачем я спрашиваю? Я же знаю: *эти* не согласятся», – чувствовал неловкость, похожую на стеснение в груди.

Они смотрели молча и сурово, не устаивая ответом.

Он двинулся дальше, к хозяйственному магазину, который бабки называли лесопилкой. Когда-то давно на этом месте стоял кинотеатр: щелястый сарай. По субботам крутили кино. Старые фильмы, давным-давно прошедшие первым экраном. Теперь территорию огородили. За прутьями ограды лежали штабеля досок, высокие стопки шифера, рулоны металлической сетки – зеленые, словно облитые масляной краской. Вспомнил слово: *рабица*, похожее на женский род существительного *раб*. В родительские времена сетка-рабица продавалась одного, железного, цвета. Чтобы не заржавела, приходилось красить масляной краской.

– Простите...

– В десять, открываемся в десять, – парень в футболке и красной кепке, ходивший между штабелями, бросил через плечо.

– Я просто хотел... Мне... очень... нужен слесарь, – он попытался придать голосу уверенности, хотя бы чуток. – У меня сломался замок.

– Там, на той стороне, – продавец махнул рукой. – Вообще-то лучше пораньше, часов в девять, – сунул в карман рулетку. – Или в восемь. Чурки рано приходят. В девять – это белорусы.

– Думаете, сейчас бесполезно? – На той стороне дороги никого не было: ни славян, ни азиатов.

– Попробуйте. Подождите, вдруг снова появятся...

Перейдя дорогу, он сел на камень: «Придут. Кто-то же должен... Это их работа...»

На его участке тоже лежал камень. В свое время отец пытался вывернуть, делал глубокие подкопы. Кажется, единственный случай, когда родители не довели дело до конца. В этой местности огромные валуны попадались часто. Отец говорил: остались с ледникового периода, миллионы лет лежали в земле. Потом что-то сдвинулось, глубинные пласты зашевелились и выдавили на поверхность.

Сидел, поглядывая в небо: голубой купол твердел на глазах. Через час, когда от нежной утренней дымки не осталось следа, встал и побрел обратно, прикидывая, сколько потерял времени: с учетом магазина – зайти за молоком и хлебом, – два с половиной часа. Впереди, за соснами, вкоренившимися в песчаный склон, уже голубело озеро – маленькое, но глубокое. Местные называли блюдечком, на самом деле – омут: глубина метров семнадцать-восемнадцать. Здесь он никогда не купался, если не считать того раза, давно, сразу после вступительных экзаменов. Шел от станции, предвкушая, *как* скажет родителям, небрежно: «Ага, поступил». Вдруг, будто дернул черт: сбегал по песчаному склону. Поплыл, загребая и отфыркиваясь, радуясь несомненной победе: восемь человек на место, это вам не какой-нибудь *технический*... Филфак Государственного университета им. Жданова. Немецкое отделение. С его-то немецким. По тем временам средний школьный уровень. На репетиторов у родителей денег не было, впрочем, если бы и были... Родители говорили: в нашей стране за знания не платят. Занимайся, и всё получится. Самое удивительное – действительно получилось, несмотря на то что многие, с кем сдавал в одной группе, немецкий знали куда лучше. Видимо, срезались на других экзаменах. Особенно много двоек выставили за сочинение. Он получил пятерку...

Метрах в десяти от берега правую ногу свело. Забил руками, пытаясь превозмочь судорогу. Отчаянным рывком повернул назад.

Это пришло на берегу, когда сидел на жаркой песчаной кочке, растирая ноющую икру. Дети резвились у кромки, мальчишки ныряли с мостков. Всё как будто по-прежнему, но что-то нарушилось. Оборвалось.

Родители стояли на крыльце. «Я поступил». Наверняка заахали, а как иначе, но он этого не запомнил, потому что сразу поднялся на чердак. Скрылся в верхней комнате, которую уже тогда считал своей.

Часа через два мать подошла к лестнице: «Иди ужинать. Я на стол собрала».

Вдруг почувствовал отчуждение, холодное. Сидел, нахохлившись, повторяя дурацкое слово: *собрала, собрала*. Сколько лет прожили в Ленинграде, получили высшее образование, а говорят как у себя в деревне. Хотелось крикнуть: не собрала, а накрыла! Ответил: не хочу.

«Не хочет. Устал». – «Ну, пусть отдыхает». Родители разговаривали под окном. В вечернем воздухе их голоса звучали надтреснутыми колокольчиками.

Думал: нет, не устал, я не отдыхаю. Мне надо дождаться, ни на что не отвлекаясь, а иначе *это* уйдет, достанется кому-то другому.

Среди ночи будто что-то толкнуло. Сел, отбросив старое одеяло. Сгорбившись, переживал *сильное*, похожее на откровение: дело не в том, что мог умереть. В конце концов, все умирают. *Это* другое. Понял, точнее, сформулировал: «Бессмертия нет. Кончилось. Сегодня».

Будто его поступление стало чем-то вроде грехопадения, хотя какое отношение университетские экзамены имеют к греху? Занимался и поступил.

Потом, позже, когда прочел Библию, нашел правильные слова: той ночью пережил что-то вроде изгнания из рая. Почувствовал на своей собственной шкуре, словно, не имея понятия о первоисточнике, примерил на себя костюм Адама, уходившего из Эдемского сада – в другое пространство, которое называется взрослой жизнью, где надо действовать самостоятельно, не полагаясь на Отца. На свой страх и риск, вопреки родительскому опыту.

Под утро, вдруг проснувшись, пережил еще одну истину: природа, кем бы ни была создана, чужая враждебная сила – бездушный омут, куда рано или поздно...

– Вы не с горки? Свежий хлеб привезли?

Он обернулся и узнал вчерашнюю тетку.

– Нет, я из ДЭКа, – ответил машинально и тут только сообразил: собирался зайти в магазин за молоком и хлебом, а пошел совсем в другую сторону. Придется делать крик.

– Так привезли или нет?..

«Все-таки интересно, кто из нас сумасшедший?» – дойдя до колодца, свернул направо. Ноги вязли в глубоком песке. С тех пор как верхнюю дорогу заасфальтировали, здесь машины ездили редко. Шел, тяжело дыша, с трудом переставляя ноги, будто хлеб, который нормальные люди покупают в магазине, в его случае приходится зарабатывать в поте лица.

«Работа – мой хлеб, – снова чувствовал отчуждение, но на этот раз не к родителям. – Я же всегда, всегда его поддерживал... С самого начала...»

Нынешний главный редактор пришел в девяносто восьмом. Издательство дышало на ладан: после дефолта прежний всё бросил и уехал к дочери в Израиль. Незадолго до отъезда собрал ближайших сотрудников, с кем начинали в конце восьмидесятых. Просил прощения, говорят, даже заплакал. Потом представил преемника. Сперва приняли в штыки: чужак, не нашего круга. Ходили слухи, будто из торгашей. Среди редакторов пошли разговоры: надо искать другую работу, причем срочно. Многие ушли. Новый главный обещал, что пожалеют. Через год, когда нашелся спонсор (какой-то деятель из правящей партии – предшественницы «Единой России»), кое-кто просился обратно. Главный отказал, назвав предателями и перебежчиками. На совещаниях рассказывал о ближайших планах. Теперь в них фигурировали тематические серии: женские романы, триллеры из бандитской жизни. Отдельная серия – фэн-тези.

Все эти бури в стакане воды прошли мимо него. Работал, не особенно задумываясь. Издательская политика – не его дело. Жил в своем собственном мире, в котором существуют исключительно книги: его дело – переводить.

Почти совсем задохнувшись, он выбрался на асфальтовую дорогу. Потопал на одном месте, отрясая песок: «Разговор – рабочий момент...» – Трудно подобрать слова, чтобы объяснить это чувство, будто спустили с неба на землю. Прежний мир рухнул. Надо строить новый... Весь вопрос – как?.. —

* * *

Она притормаживает, прикидывая, где бы припарковаться. Останавливается под соснами, в тени. На часах половина двенадцатого, а жара как в пекле. Этим летом действительно что-то странное. Нещадное солнце, но в то же время как будто тянет холодком. «Неужели заболеваю?..» – идет к калитке, все еще чувствуя легкий озноб. По уму, хорошо бы смерить температуру, но, во-первых, где искать градусник?.. А во-вторых...

«Всё. Никаких болезней. Найти плитку, проверить холодильник...»

Электрическая плитка нашлась в родительской кровати, завернутая в старый плед. Скорее всего – мать: завернула, спрятала под подушку. «Во всяком случае, не я. Я бы сперва отмыла, отшкурила конфорки...» – ведет пальцем, чувствуя пригорелые неровности и, не осо-

бенно надеясь, сует вилку в розетку. На передней панели вспыхивает желтоватый огонек. Гаснет, снова загорается, будто собираясь с силами.

– Давай, давай! – торопит или подбадривает, положив руки на конфорки, – жрец, совершающий ритуал оживления. Ладони чувствуют тепло. – Молодец. Теперь – сама.

Еще не открыв дверцу холодильника, уловила слабое дребезжание: оказывается, уже работает. Не вынули вилку из розетки. Просто отключили рубильник, обесточив дом.

Внутренние стенки пошли черноватыми пятнами. Поскребла ногтем: «Грибок. Водой не отмоешь. Господи, о чем я?» – захлопывает дверцу. Надо достать продукты. Но сперва – включить воду.

Не доходя до калитки, сворачивает в травяные заросли. Нагнувшись, нащупывает вентиль, подернутый ржавчиной. Голыми руками не повернуть. «Капнуть масла. В канистре, в багажнике. Хорошо, что не выбросила. Сунуть металлический прут».

На ходу, краем глаза отмечает: мужик. Вошел в соседскую калитку. Во всяком случае, ближайšie соседи здесь.

Темная лужица, натекшая под вентиль, не уходит в землю. Прodeв прут в ушко, наваливается, чувствуя: пошло. Из трубы доносится слабое шипение. Вода выбивает воздушную пробку. Она вонзает прут в землю: понадобится, чтобы закрыть.

Водопровод работает исправно. Когда-то давно ее бы это обрадовало – очередная победа над материальным миром. Теперь этот мир раз и навсегда побежден. В сущности, вопрос денег. Деньги у нее есть. Во всяком случае, в тех масштабах, которые требуются, чтобы обуздать стихию обыденности. Если б вентиль не повернулся, позвонила бы в Репино. Прораб прислал бы людей...

На меже между родительским и соседним участком лежат штабеля бревен, укрытые рубероидом. «Зачем?.. Собирались что-то строить?» Теперь это не имеет значения. Если не погнили, надо предложить соседям. Не за деньги – просто отдать.

Плитка совсем раскалилась. Достает банку с молотым кофе, сахар, сливки... В целлофановом мешке лежат овсяные пакетики, яблоки, мюсли, апельсины, чищенные грецкие орехи, молоко длительного хранения. Она сует мешок в холодильник. Самое время заняться *розовым бланком* или как его...

Приглядывая за кофе, вспоминает роман, который прочла в юности. Герои – безымянные, вместо имен фигурировали буквы и цифры. Цифры уже не вспомнить... Но буквы, во всяком случае, женские: «*И* и *О*. Латинские. Что же они строили? Кажется, космический корабль. – Инженерная сторона дела выветрилась из памяти. Остался *розовый билет*: листок, дающий право на интимное свидание. – Нет, – она поправляет себя, – в книжке иначе: не право, а обязанность... —

* * *

Продукты он спрятал в холодильник: упаковку яиц – на верхнюю полочку, пакет молока – на дверцу. Шаркая подошвами, обошел дом.

Со стороны, граничащей с соседским участком, лежат бревна, укрытые рубероидом. Давно, еще с родительских времен. Их привезли ранней весной или поздней осенью, родителей на даче не было, иначе отец бы проследил. За зиму забор рухнул: подгнившие деревянные столбы не вынесли напора. Отец возмущался: «Вот безрукие! Нет бы зазор оставить!» Ждал, когда соседи приедут. В середине лета не выдержал: разобрал штакетник, вытащил старые столбы. По вечерам отправлялся в лес, подальше, искал и срезал осины – если правильно обработать, самое прочное дерево, хватит на сто лет.

Он обернулся к лесу, будто лесник его детства вот-вот должен показаться: худой, одетый в мешковатую куртку, похожую на ватник. Одной рукой тянет за собой осиновый ствол. Готовые столбы складывал в сарае. Там они и лежат – до сих пор.

Постояв, двинулся обратно, стараясь не думать о завтрашнем, о том, что предстоит: «Ничего... Встану пораньше. Приду – кого-нибудь да застану. Непременно. А как же иначе. Они сами заинтересованы в клиентах», – находил твердые слова.

Твердость сработала. Докучливое будущее исчезло, мысли вернулись к работе.

Поднялся в кабинет, сел за пишущую машинку. Жаль, что пропали утренние часы – для жаворонков, вроде него, самые продуктивные. Отгоняя обрывки ненужных мыслей, вставил чистый лист.

– Вначале были атомы. Электрические разряды, ультрафиолетовое излучение, вулканическая активность – трудно сказать, какие природные катаклизмы превратили их в молекулы, но факт остается фактом: именно под воздействием этих жестких явлений атомы объединились в генетическую молекулу – ДНК. – Капитан оглядел членов команды, словно ожидая, что кто-то из них не согласится с такой постановкой вопроса. – Вообразите себе молекулу, способную создавать собственные копии. Плодовитость репликантов и точность копирования – до поры до времени эти свойства себя оправдывали, но – глазные отростки вспыхнули неподдельным энтузиазмом, – лишь до поры. Однажды копировальный механизм совершил ошибку. Количество ошибок множилось...

Капитан оглянулся на экран монитора. Циферблаты часов – и бортовых, и межгалактических – различались одинаково ясно. В правом верхнем углу уже мигал синий значок. Напоминал, что приближается время связи с Центром Управления. Сеанс начнется через пятнадцать минут.

– Количество ошибок множилось, пока не перешло в качество. Естественный отбор как инструмент эволюции включился именно на этой стадии. – Синяя иконка подмигивала всё настойчивее. – Благодарю за внимание. На сегодня – всё.

Из общего отсека капитан вылетел первым. Углубляясь в хитросплетения коридоров, ведущих к главному монитору, он думал о том, что гены – генами. Они регулируют построение организмов, однако их влияние ограничено. Хотя бы потому, что не всё приобретенное наследуется. Сколько бы знаний и умений ни накопила особь в течение жизни, они не перейдут к ее потомкам генетическим путем. Тут работают совсем другие механизмы...

«Вот-вот, – он распрямил затекающую спину и размял кисти рук. Именно поэтому никогда не чувствовал интереса к естественным наукам. Филология, история, культурология – там по наследству передаются не пустые признаки: строение тела, цвет глаз, форма зубов, способность к мимикрированию, – а знания и смыслы, накопленные бесчисленными поколениями. Каждый индивид свободен воспринять их или отринуть. Взять хотя бы его самого. Разве гены определили его тягу к иностранным языкам? В их роду *ничего этого* не было. Он представил себе, как изумились бы его предки – хоть по материнской, хоть по отцовской линии (воображение нарисовало череду земледельцев, сутулых от тяжелого труда: натруженные руки, темные узловатые пальцы...), – если бы узнали, что их отдаленный потомок стал переводчиком. В сравнении с ними он – иная форма жизни. В этом смысле у него другие родственники. – Марлен...»

Вышел из-за стола и сел на топчан, покрытый пестрой попонкой.

Марлену не пришлось бы объяснять – почему он тоскует над этой книгой, мечтает о другой, исторической, над которой начинал работать в незапамятные времена, но потом отложил за текущими заказами, поступающими от издательства.

«Ну какое, какое мне дело до всех этих репликаторов, кроссинговеров, аллелей, доминантных и рецессивных признаков! Положим, у меня были бы голубые глаза, или курносый нос, или мускулатура культуриста. Разве сам я стал бы другим?!»

Посидел, сторбившись. Вернулся к письменному столу.

Устроившись в кресле, капитан следил за иконкой. Из синей она превратилась в красную, будто раскалилась изнутри. Сидел, дожидаясь, когда появится изображение. По экрану бежали цифры. Иконка связи мигнула и погасла. Прождав положенные пятнадцать минут, в продолжение которых Центр так и не объявился, он отправился к себе. «Ничего удивительного... Учитывая расстояние, отделяющее нас от родной галактики, мы находимся на краю Вселенной», – капитан поморщился: «край Вселенной» – слишком романтично, во всяком случае, на его вкус.

Открыв бортовой журнал, он отметил точное время несостоявшегося сеанса. Вчера связь установилась, но через тридцать секунд прервалась. Не исключено, что вчерашний контакт станет последним. Теперь им придется руководствоваться исследовательским заданием и здравым смыслом. Лично у него здравый смысл есть. Чего не скажешь о теоретиках. На эту планету ученое сообщество возлагает особые надежды. В астрономических атласах она маркируется значком объектов первой группы. Это они, не нюхавшие настоящего космоса, настояли на повторной экспедиции. На Совете он не присутствовал, но позже ознакомился с докладом. Неудивительно, что Совет пошел навстречу: а как иначе, если речь идет о развитой форме. В докладе значилось черным по белому: возможна встреча с разумным существом. Капитан усмехнулся и пощелкал мелкими суставами. После принятия решения все дискуссии прекращаются. Его дело – исполнять.

Справившись с минутным раздражением, капитан мысленно вернулся к прерванной лекции: по логике вещей следует переходить к хромосомам. Передние отростки пробежали по клавишам, открывая нужную закладку. По мнению ученого сообщества, на планете, к которой они приближаются, дело обстоит так: каждый сперматозоид и каждая яйцеклетка содержит по 23 хромосомы, составленные из кусочков хромосомного набора, полученного от родителей. В момент зачатия гены смешиваются и перетасовываются случайным образом. Это непреложное правило касается самых разных форм жизни, возникших в процессе эволюции: и растений, и животных, – лишь бы они размножались половым путем...

Он вздохнул и погрузился в математические выкладки, иллюстрирующие процесс. Работал до самых сумерек, наверстывая время, даже не вспомнив про обед.

Из окна потянуло вечерней прохладой. Завершив очередную главу, он спустился с чердака. Действуя машинально и рассеянно, разогрел вчерашние макароны.

Сквозь дверной проем виднелся угол веранды, высокое крыльцо, освещенное лампочкой, висящей на длинном шнуре. В темноте, залившей участок, ее свет казался пронзительным. Вокруг вилась мошкара – неотступно, как навязчивые мысли.

«Завтра. Завтра решится», – подхватил сковородку и водрузил на стол. Тыкал вилкой в слипшиеся макароны. Жевал, считая потерянные дни: начини он неделю назад, давным-давно замок был бы починен. Покончив с ужином, сложил в таз грязную посуду, залил водой.

С чашкой простокваши в руке вышел, уже привычно подпер дверь. Перед соседским участком темнел силуэт машины.

«Не уехали, – отметил с неудовольствием. – А что, если?.. Нет, вряд ли...»

Вчера, когда стоял у окна, перетаптывался босыми ногами, эта мысль как-то не сложилась. Просто не мог себе представить, что *та* девочка может управлять такой огромной машиной. Дочь ближайших соседей. Приходила к матери – за цветочной рассадой.

Приоткрыл калитку. Сделал несколько шагов, осторожно, словно входя в озеро, невидимое во мраке. Вода начиналась от самого забора, огораживающего клочок суши, с которого только что сошел в воду. Пока что неглубокую...

Лампочка, пылавшая за спиной, выдавала его присутствие. Точнее, могла выдать, если бы женщина, скрывавшаяся в соседнем доме, подошла к окну. Возможно, она и подошла и теперь стояла, скрываясь за занавесками... Как сам он – вчера.

Он двинулся вперед, крадучись, стараясь держаться поближе к забору. Искусственный источник света скрылся за углом. Казалось, свет льется ниоткуда, висит золотистым облаком, словно сам по себе, как, собственно, и должно на исходе второго дня, когда руки бога, творящего мир, еще не дошли до источников света – прямого и отраженного: солнца и луны. До этого надо пережить еще один день – третий, когда по божьему велению из земли произрастет трава, сеющая семя, и дерево, приносящее плод по роду его.

Кусты и деревья, образующие кромку леса, сливались в темную неразличимую массу.

Обратно он шел уже решительным шагом, всем своим видом показывая: ему скрываться не от кого. Просто вышел за калитку. Мало ли зачем... Например, прогуляться. «Да, вот именно. Перед сном. Подышать свежим воздухом. Ночью и вправду свежее».

Взошел на крыльцо. «А может, и раньше приезжала... Это я не приезжал».

Дочь выросла *там*, у тещи. Дачный поселок Мга. Добираться проще – на электричке всего минут сорок по направлению к Москве. Участок тоже далеко от станции, но ходит местный автобус. Не то, что здесь – три километра пешком. Конечно, дело не в удобствах, какие там удобства! Только электричество. Воду и ту качали помпой... «Но здесь же лес и чистое озеро!» Жена стояла непреклонно. Первые годы старалась выразить деликатно: скучаю по родителям, и вообще там привычнее. Потом, когда пошли скандалы: *не могу!* На вашей даче я – *никто*. «Ну почему, почему?» Кричала ужасным голосом: *потому!* Потому что *ты* здесь – *никто!*.. И звать тебя *никак!*.. Вozил ребенку продукты. Без ночевки: туда и обратно. Обратно нагружали готовыми банками. У тестя с тещей тоже сад и огород. Образцовый, под стать родительскому. Банки – вечный камень преткновения. Привозил, ставил в кладовку. Мать молчала, но на стол ставила *свои*. Жена демонстративно отказывалась. Тоже молча, но выражение лица... *Твердое*. Казалось бы, все одинаковое: огурцы, помидоры, патиссоны. Но ведь как-то различали. Всегда...

Щелкнул выключателем. Ждал, что теперь, в крошечной тьме, высветятся звезды, но небо, будто обложенное низкими тучами, казалось пустым.

Трава, деревья, грибы (среда)

За оградой хозяйственного двора маячил продавец в красной кепке, но не с рулеткой, а с блокнотом. Останавливаясь у каждого штабеля, что-то прикидывал на глаз.

Сидя на вчерашнем камне, он следил за его передвижениями, слегка поеживаясь, время от времени поглядывая по сторонам. От пруда, затянутого ряской, тянуло бензином. Или машинным маслом. «Машины, что ли, моют? – встал и прошелся взад вперед: от валуна до помойки и обратно. За эти полчаса, которые провел в ожидании рабочих, солнце так и не выглянуло. – Надо было куртку надеть...» – по голым рукам бежали мурашки. Утром было не до этого: стоял на крыльце, не чувствуя холода, не замечая неба, обложенного тучами. Смотрел на дверь. Дверь во времянку была закрыта – черенок сторожил крепко и надежно.

Перешел дорогу, вдыхая первозданный запах свежеструганой древесины. Прежде чем обратиться, взялся за прутья ограды, словно искал опору:

– Вот, девять часов... Вчера вы сказали... Я пришел. – На мгновение отвлекшись от хитрых подсчетов, продавец повернул голову. – Рабочих. Мне надо найти рабочих... Вы сказали... вчера.

– Вчера я не работал, – продавец почесал карандашом за ухом.

– Простите, видимо, я обознался... Другой, ваш... коллега... Он сказал, рабочие приходят к девяти. Но... тут никого...

Сегодняшний продавец, которого он принял за вчерашнего, пихнул карандаш в задний карман и простер руку.

Взгляд, продолжив траекторию указательного пальца, уткнулся в телеграфный столб. От самой вершины – там сидела черная птица: галка или ворона – до уровня человеческого роста столб был усеян объявлениями.

Он подошел и задрал голову.

ВСЕ ВИДЫ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ.
СТРОИТЕЛЬСТВО ПОД КЛЮЧ.

ОПЫТНЫЙ САНТЕХНИК.

ЭЛЕКТРИК. ЛИЦЕНЗИЯ.

БРИГАДА. ВЫСТРОИМ И ОТРЕМОНТИРУЕМ ВСЁ.
ПОЛНЫЙ ИЛИ ЧАСТИЧНЫЙ РЕМОНТ НА ВАШЕЙ ДАЧЕ.

ВЫПОЛНЮ ЛЮБОЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАКАЗ.

Читал лаконичные фразы, прислушиваясь, словно пытался расслышать голоса, предлагавшие себя с такой неколебимой уверенностью.

Те, что повыше, выглядели солиднее: куски фанеры, прибитые к столбу. Ниже лепились клочки бумаги: большей частью напечатанные, но попадались и написанные от руки.

«Господи, неужели так просто? И *они* придут?..»

Мысленно представил себе людей, умеющих делать *всё* собственными руками, готовых явиться немедленно, стоит только позвонить. Чувствуя легкое головокружение, привстал на цыпочки. Отрывал бумажные хвостики с номерами телефонов, собирал как ягоды – в горсть. Собрал и сунул в нагрудный карман. «Нет», – достал кошелек, спрятал в боковое отделение. Туда, где лежали использованные билеты – автобусные, трамвайные, троллейбусные. В своем

роде эти клочки – тоже билеты. Обратно, в привычную жизнь, где нет ОТКРЫТЫХ дверей. Все заперто надежно и прочно.

«Главное сделано», – огляделся и увидел людей.

Еще несколько минут назад он бродил как во тьме. Теперь словно наконец вышел к свету. Люди явились во множестве, шли по своим делам: кто за молоком, кто на рынок за овощами. К хозяйственному двору съезжались машины: он слушал хлопки дверей.

Как по мановению чьей-то крепкой руки, открывалось все: ставни ларьков, железные ворота ограды.

Смотрел, изумляясь и радуясь, переживая свою причастность к этому вечному движению. Круговороту простых ежедневных целей и малых дел, к которым взрослый человек не должен относиться с опаской. Как же он ошибался, вступая в этот мир! Не-охотно – да что там: по докучливой необходимости! Оказалось, здесь все организовано хорошо и рационально. Надо только знать элементарные правила. И следовать им.

Прислушивался к себе, удивляясь новому опыту: видимо, нечто похожее переживают путешественники. Или пришельцы, оказавшись на чужой планете. Всё вокруг кажется странным. Люди, к которым обращаешься, говорят непонятные вещи. Но проходит время и все проясняется. Встает на свои места.

От развилки он не стал сворачивать. На этот раз двинулся прямо... —

* * *

Выйдя на крыльцо, она обводит глазами заросли травы. Особенно густо заросла бывшая клумба. Когда-то здесь росли цветы: те самые, которые дала соседка. Простенькие: астры, петунии, тигровые лилии. Но тогда, в последнее дачное лето, они казались роскошными. Куда роскошнее нынешней экзотики: всех этих аргирантемумов, калыциолярий и амарантов – их предлагают ландшафтные дизайнеры.

«Язык сломаешь!.. Так». – Она переключается на список дел.

Розовый бланк так и не нашелся. Вчера искала до самого вечера: перерыла комоды, тумбочки, шкафы. По логике вещей документы должны храниться в папке, но родители – с них станется! – могли сунуть куда угодно. Рылась в коробках из-под обуви. Пальцы перебирали пустые пузырьки от лекарств, свечные огарки, пачки оплаченных квитанций, катушки, клубки разноцветной шерсти, лампочки, пальчиковые батарейки, стертые ластик, патроны с остатками губной помады, пахнувшие прогорклым вазелином. На нижней полке обнаружилась пачка рукописей. Стараясь не отвлекаться на отцовскую писанину, перебрала листок за листком. В одном месте глаза все-таки зацепились: диалог персонажей, мужчины и женщины, что-то вроде любовной сцены или объяснения:

– *Нина, Ниночка! Я знаю, мы с тобой – одно целое! Наша общая жизнь. Я не могу, просто не могу представить своей жизни без тебя!* – *Петр подошел к окну и отдернул занавеску.* – *Дорогая моя, иди же, иди ко мне.*

Нина подошла и встала рядом. Он обнял ее одной рукой. Светлая головка жены склонилась к его плечу.

– *Петруша, милый, как же я тебя понимаю! У нас общее прошлое. Наша вечная память!*

– *Да, да! Прошлое... Значит, и настоящее, и будущее... Знаешь, о чем я мечтаю?*

«Не знаю и знать не хочу», – сжав зубы, задвинула ящик одним толчком. Внутри что-то хрустнуло, видимо, направляющие.

«Придется заказывать дубликат... Все равно ехать, оформлять заявку... – она чувствует утренний прилив бодрости. Как в юности, когда выходила на крыльцо. Ели, стоящие у кромки леса, упруго топорщатся ветвями. – Хорошо, что приехала... Очень хорошо... Кофе? Нет, выпью в городе», – к машине она идет, улыбаясь: не город, а райцентровская дыра... Уже открыв дверцу, вдруг вспоминает: забыла запереть дом. Но лень возвращаться. Заводит машину, разворачивается под соснами, едет не оглядываясь. «Ну какие здесь воры...» Ворам, которые позарятся на всю эту рухлядь, следовало бы приплатить...

Нина, Ниночка! Я знаю, мы с тобой – одно целое! – слова, вырванные из контекста, кажутся особенно беспомощными.

Время от времени отец зачитывал вслух. Спускался с чердака: сядь, послушай, вот написал кусочек, надо проверить интонацию. Спрашивал: ну, как на твой вкус? Мать всегда восхищалась: замечательно, все как в жизни!

«Меня не спрашивал... – Она сворачивает на асфальтовую дорогу. – А если бы спросил? И в какой это жизни нормальные люди *так* разговаривают?» Во рту неприятно горчит.

Она притормаживает у магазина на горке.

Свет, бликующий на асфальте, слепит глаза. Слепые глаза видят пыльный проселок, по которому движется грузовик. В кузове покачиваются бидоны – сейчас их начнут разгружать...

В юности ходила сюда за молоком. В те годы молоко продавалось *по записи*: в начале месяца подавали заявки, заносили в конторскую книгу. Покупатели сходились заранее: неизвестно, когда привезут. Разбредались, усаживались в тени. Чтобы не сбить очередь, ставили пустые бидончики. Завидев молочную машину, сбегались, занимали места. Очередь принимала форму шмелиного роя. Водитель выходил из кабины, откидывал борт. Рой гудел терпеливо. Если кто-то опаздывал, его место караулил бидон...

Она поднимается по ступеням. С опаской, будто переходит воображаемую границу, вступает в пространство памяти. Там остались деревянные полки: крупы, макароны, брикетные супы, портвейн *Солнцедар*. Отрава отравой, при чем здесь солнце?..

Открывает дверь.

Магазин как магазин. Теперь такие везде, в каждом чертовом пригороде. Отделы: гастроном, хлебный, молочный. Вода представлена пятью-шестью наименованиями.

Она замирает у прилавка, пытаясь вообразить: тех, стоявших в *той* очереди. Если бы им сказали: настанет время, когда здесь будут продавать *воду*. Наверняка забросали бы камнями... Или пустыми бидонами...

– «Аква Минерале с газом».

– Вам похолоднее? – продавщица кивает на холодильник. Бутылки: разноцветные, рядами. Кока-кола, чай, пиво, квас.

– Нет, – она качает головой.

Из-под крышки бьет пенная струя.

Женщина с ребенком на руках оборачивается. Не то чтобы осуждает. *Просто* реагирует.

«Ну почему? Почему они не могут держать свои реакции при себе?»

Мы с тобой – одно целое! Наша общая жизнь...

«Не общая, а моя. Которая никого не касается...» – пьет, высоко задирая бутылку, будто трубач, дующий в трубу. Выдувает дивную мелодию своего недалекого будущего, которую никто из местных не услышит. Когда будущее обратится в настоящее, она будет далеко.

Краем глаза замечает: ребенок – смотрит внимательно, шевелит губами, словно подпевает беззвучной песне. Она закручивает крышку. Коротким, решительным жестом. Будь он постарше, наверняка бы понял. Тетенька хочет сказать: это – моя вода.

Младенец ударяется в плач. Направляясь к двери, она чувствует себя виноватой. Хотя, если разобраться, при чем здесь она? Ребенка мучает жажда – за этим должна следить его мать. Мать, а не чужая женщина.

Женщина. Ее мать любила это слово. Морщится. «Мне никогда не нравилось». Даже в юности, когда оно должно казаться загадочным.

Забираясь в жаркую машину, вспоминает милое лицо, скромное ситцевое платье: старенькое, для работы в огороде. Думает: *та* женщина не назвала бы себя *женщиной* – хозяйка, мать, жена...

Казалось бы, раннее утро, но в салоне уже не продохнуть. Она включает кондиционер. «Жара. И это дурацкое марево. Все-таки что-то странное с погодой... —

* * *

Ключки с номерами телефонов он разложил на обеденном столе. В два столбика, соблюдая строгий порядок: справа напечатанные, слева – написанные от руки. Первые казались безликими. Тех, кто скрывался за ровными компьютерными буквами, невозможно вообразить. Прижав их ладонью, чтобы не нарушить порядок, отодвигает в сторону.

Безотчетно повторяя жест отца, потирает руки, прежде чем погрузиться в изучение *корявых* букв и цифр. Именно это свойство кажется особенно обнадеживающим: их вывели неловкие пальцы. Значит, привычные к физическому труду.

Мужской голос, ответивший на вызов, выслушал сбивчивое объяснение и, помедлив, дал ответ: на этой неделе все заняты на другом объекте. «Не решите до субботы, звоните. Кого-нибудь пришлю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.